ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 5 ноября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 60 (696)

Да здравствует XX годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР!

Рисунок и монтаж художника Г. Клуциса.

Под знаменем Ленина—Сталина

7 ноября — величайшая дата мировой истории, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, двадцатилетие Страны Советов.

7 ноября на улицы и площади городов и сел нашей необ'ятной родины выйдет на праздничную демонстрацию великий советский народ.

7 ноября по всему капиталистическому миру, воспламеняя сердца наших угнетенных братьев, страдающих от кровавого фашистского террора, вдохновляя всех борцов за победу рабочего класса, разнесется радостная весть о том, что победоносно идущая вперед страна социализма вступила в третье десятилетие своего существования. Эта весть вольет новые силы в ряды бойцов героического испанского народа, сражающегося против внутреннего и иностранного фашизма, в ряды борцов великого китайского народа, отражающего нападение японских захватчиков.

С величайшими победами приходим мы к двадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Могучая индустриальная держава, страна самого передового в мире социалистического земледелия, страна великого братства и дружбы всех народов, страна, где хорошо живется и легко дышится трудящемуся, — вот что такое наша родина! Страна, где навеки уничтожена эксплоатация человека человеком, где народные массы стали кузнецами своего счастья, страна, где женщина равноправна с мужчиной, где звенят радостные песни и звучит счастливый смех детей, страна, где все идут с гордо поднятой головой, — вот что такое наша родина!

Мы отстояли свою родину и свои права и счастье от белогвардейских полчищ, от иностранных интервентов, мы изгнали помещиков и капиталистов, ликвидировали кулачество, как класс, мы разгромили и впредь будем громить подлых и грязных бандитов, наймитов фашизма, троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов, вредителей, злобных врагов народа, презренных изменников родины. Никуда не спрятаться этим ползучим гадам — порукой тому революционная большевистская бдительность наших славных наркомвнудельцев, руководимых преданным сыном ленинско-сталинской партии Н. И. Ежовым, и всего советского народа.

Мы разбили всех тех, кто тянул свои грязные лапы к горлу трудящихся. Пусть псы и свиньи фашизма, мечтающие надеть капиталистическое ярмо на наш народ, вспомнят, как улепетывали интервенты с нашей территории — из Архангельска, с Украины, с Дальнего Востока. Пусть только полезут теперь фашистские фанфароны, мы отучим их раз навсегда соваться в нашу страну. Порукой этому — наша могучая, покрытая неувядаемой славой Красная Армия, Красный Флот, боевая готовность всего советского народа.

Построение социализма в СССР обеспечила великая, родная всем трудящимся коммунистическая партия, во главе которой стоит любимый, мудрый Сталин. Во всем мире при упоминании этого имени горячо бьются сердца трудящихся, радостно блестят глаза, крепнет воля к борьбе против фашизма. Имя Сталина, как боевое знамя, вселяет отвагу в души борцов за дело освобождения рабочего класса и крестьянства от ига капитала. Имя Сталина вдохновляет строителей социализма на новые подвиги.

Двадцатилетие советской власти мы празднуем в разгар избирательной кампании, проводимой на основе Сталинской Конституции. По всей стране идет выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. И повсюду беспартийные идут рука об руку с коммунистами, вместе с ними отбирают и выдвигают лучших, достойнейших людей, преданных до конца делу Ленина—Сталина. В избирательной кампании как никогда ясно обнаруживается тесная связь и нерушимое единство коммунистической партии с народными массами. В этом — гарантия новых побед, новых успехов социализма.

Мы живем в великую эпоху, в великой стране. Это — огромное счастье, великая радость. Надо быть достойным этого счастья, надо быть достойным своего народа, надо работать еще больше и лучше для его блага. Ибо народ все в мире создал своим трудом, народ свершил великие дела. Вся сила и красота жизни и творчества—в народе. «Только народ бессмертен. Все остальное — преходяще» — таковы мудрые слова великого Сталина.

Все, что делается в нашей стране партией, органами советской власти, совершается в интересах народа. Нигде в мире нет другой страны, где бы так любили и ценили человека, как у нас, где бы так заботились о людях, как у нас. Хорошо жить, радостно работать в нашей стране.

Высокая честь быть писателем страны социализма! Огромная ответственность лежит на каждом, носящем звание писателя. Воплощать в художественном слове великие дела социалистической страны, создавать образы новых людей — партийных и непартийных большевиков, — воспитывать миллионы читателей в духе социализма — это великое дело. Оно требует от писателя высокого идейного уровня, знания жизни, социалистического морального облика, любви к родине, горячей преданности делу Ленина—Сталина, блестящего мастерства художника.

К двадцатой годовщине Страны Советов наши писатели приходят с десятками произведений, составляющих гордость советской культуры, произведений, ставших любимыми в народных массах.

7 ноября выйдет на улицы и площади могучий советский народ. В столице мира — Москве пойдет мощная демонстрация через Красную площадь, мимо мавзолея великого Ильича. На крыле мавзолея будут приветствовать демонстрацию руководители партии и правительства во главе с родным, любимым Сталиным. Зашумят над демонстрацией боевые знамена Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

И по всему Союзу, по всему миру из миллионов грудей вырвется победный клич:

Да здравствует двадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

Да здравствует наш родной Сталин!

Да здравствует великое, непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина! Да здравствует ленинизм!

Алексей ТОЛСТОЙ

Революция и народ

Работая над романом «Хлеб», я изучал человеческие материалы первого года Октябрьской революции. Как и всякие материалы, — их нужно научиться читать. Тогда сквозь дремучие строки воспоминаний и стенографированных рассказов выступает живое лицо русского человека, что пошел, туго подтянув живот, в дырявой шинелишке,с винтовкой и двумя гранатами за поясом, — «умываться кровью» за мировую революцию...

Это было так... Полчищам и бандам контрреволюции, японским дредноутам, германским пушкам и антантовскому золоту, неисчерпаемым запасам продовольствия и одежды, угля, нефти, железа — на той стороне — Октябрьская революция противопоставляла конкретные задачи всемирно-исторической трудности и значения...

Народ спас свою страну от интервенции, спас революцию, развернувшую красное знамя коммунизма. В водовороте классовой борьбы крутилось много сил. И, несомненно, — революция, не руководимая гением, не поставившая перед собой мировых задач, — истощила бы в борьбе свои силы и схлынула бы, как это бывало с буржуазными революциями, оставив на отмели обломки несбывшихся надежд.

Но Октябрьская революция руководилась великой большевистской стратегией и несгибаемой волей Ленина и Сталина. Революция оперлась на городской пролетариат и беднейшее крестьянство. Те и другие были «налегке», — им нечего было терять, кроме угнетения, рабского труда, нищеты, темноты. Революция раскрыла перед ними путь к коммунизму. Когда на каком-нибудь самодельном бронепоезде, на вагонах аршинными буквами было написано «коммуна летит», это не вызывало ничьих улыбок, потому что бойцы бронепоезда, окрученные пулеметными лентами, ударами штыков и пушек, конкретно пробивали дорогу в изобильный, счастливый и радостный мир коммунизма...

Только великий народ мог так драться за великую идею... К сожалению, у нас еще не написана история русского народа. Мы знаем в ней лишь узловые центры волевых напряжений народа. На русскую землю надвигалась беда. Правящий класс не справлялся с ней, капитулировал. Тогда народ шел и спасал свою землю и независимость и вместе с этим и своих угнетателей, которые снова впрягали народ в кабальное ярмо, до нового узла истории.

Так было с татарским игом. Разбитые татарами князья продали русскую землю за ханские ярлыки. Народ, «умывшись кровью» на Куликовом поле, выручил свою землю. Через 250 лет он выручил ее под стенами Москвы от поляков. И еще через двести лет — выручил от Наполеона. Когда русские солдаты руководились великим полководцем, они не знали поражения. Когда их вел дурной полководец, они непоколебимо умирали на поле брани.

Правящие классы понимали, что самые прочные цепи для народа — это темнота и невежество, и они прилагали все усилия, чтобы держать его в невежестве. Народ уходил от этого ига. С пищалью и топором двигался сквозь леса и пустыни к четырем морям и — так — раскинул свои владения на шестую часть земного шара.

Буржуазные историки традиционно называли русский народ «терпеливым». Неверно. Это — мужественный и суровый народ, никогда не мирившийся с несправедливостью. В нем жила древняя мечта о «золотом клине». Я сам в детстве слыхал рассказы о какой-то справедливой, вольной, счастливой земле «золотой клин», куда будто бы на поиски уходят мужики...

Когда Ленин на площади Финляндского вокзала с броневика призвал народ к борьбе за коммунизм, — слова его отдались широким резонансом. Слова были новые, но глубочайшего смысла этих слов, великой справедливости, — народ ждал веками.

Прошло двадцать лет. «Золотой клин» оказался шестою частью земного шара.

ЛЕНИНГРАД. (По телефону).

Грозненский городской избирательный округ

Рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода «Красный молот» наметили кандидатом в депутаты Совета Союза

первого секретаря Чечено-Ингушского обкома партии

Федора Петровича БЫКОВА

и кандидатом в депутаты Совета Национальностей писателя

Владимира Петровича СТАВСКОГО

Из резолюции общего собрания рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода «Красный молот»

На собрании присутствовало около 3 тысяч человек

Мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие, партийная и комсомольская организации машиностроительного завода «Красный молот», одобряем и присоединяемся к решению трудящихся Москвы и Ленинграда, выдвинувших кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР великого Сталина и его соратников товарищей Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Микояна, Жданова, Ежова.

Со своей стороны мы выдвигаем кандидатом в депутаты Совета Союза достойного сына нашей великой родины, преданного делу рабочего класса, беспощадно борющегося с злейшими врагами народа, — первого секретаря обкома партии товарища Быкова Федора Петровича.

Просим его дать согласие баллотироваться по Грозненскому городскому избирательному округу. Мы выдвигаем эту кандидатуру потому, что тов. Быков всей своей работой в рядах партии доказал, что он живет только заботой об интересах партии и трудящихся.

Мы выдвигаем кандидатуру в депутаты Совета Национальностей верного ученика великого русского писателя Максима Горького — советского писателя и руководителя Союза советских писателей тов. Ставского Владимира Петровича.

Мы просим тт. Быкова и Ставского дать свое согласие баллотироваться по нашему избирательному округу.

Семен КИРСАНОВ

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗДРАВИЦА

Двадцать лет —
это факт —
высится
страна моя!
Двадцать лет —
это факт,
Факты —
вещь упрямая.
Двадцать лет
звезда-маяк
светится, славится,
и за этот факт
моя
праздничная здравица.
С первых дней
нам пророчили:
«век советский непрочен!»
Господа
и К°
и прочие.
просчитались очень.
Впрочем,
скажем короче,
Республика рабочая—
вещь
довольно прочная, —
очень и очень!
Войны, штормы, облака
в двадцать лет
пройдены.
подымаем
бокал
за здоровье
родины!
Чокнемся,
да так,
чтоб Донбасс
услышал нас.
за стахановцев
шахт,
за нашу
промышленность
рассыпчато,
в такт
за руды Урала,
за мечи и орала,
за Дон
и Кубань,
за серп
и комбайн,
за молот
и турбины,
за звезды —
рубины,
за прочие звезды,
за полюс
и лед,
За чкаловский
воздух,
за его самолет!
Чокнемся
за ту,
что всегда
на посту,
парашютную,
танковую,
что смела
и строга
и любого врага
отшвырнет
атакою,
несгибаемую
в бою —
ворошиловскую,
ударную —
за Красную,
за свою
чокнемся —
за Армию!
В звон
октябрьского дня —
праздничная здравица:
чокнемся
за гражданят,
что сейчас
рождаются!
Только день
сегодня вам,
— в пеленки положенные
за здоровье
ваших мам,
товарищи
новорожденные!
Время
вымчится вперед,
а народ
останется,
за бессмертный
наш народ,
за железных
сталинцев.
Чокнемся
за
бюллетени,
поданные
всем народом нашим
за
лучших граждан
родины.
Станем в кольцо,
бокалы повыше!
За испанских
бойцов,
чтоб фашистов
повышибли!
Тонкими гранями
вызвеним издали:
За здоровье
раненых,
чтоб скорее
выздоровели.
Чокнемся
на все лады
стеклянной
музыкой,
за здоровье молодых
школьников, вузовок —
только вставших
за труды
за парней
и девушек,
за действительно
молодых,
и за помолодевших
стариков,
уже седых,
что имеют бороды,
и все же,
несмотря на них,
вместе с нами
молоды!
Чокнемся,
и — до дна!
Зазвени,
хрустальная,
в честь
чудесного дня,
звени Дон
и Двина,
звени
льдина дальняя!
Родина
у нас
одна, —
республик
одиннадцать,
одиннадцать
и она —
вся
имянинница!
С нею вместе —
млад и стар,
и ее границы —
сталь,
и как сталь ее сыны,
вся одета
в сталь она!
За здоровье
всей страны,
за здоровье
Сталина!

Александр ОЙСЛЕНДЕР

ПРАЗДНИК

Едва проснувшись,
жмурится
Мой смуглый сын...
— Пора!
Гремят вдоль каждой улицы
Большие рупора.
— Пора!
У Красной площади,
Застыв, стоят войска.
— Пора!
К трибуне праздничной
Идет родной Цека.
И тот,
Кто светлым разумом
Об'емлет даль веков,
Ведя народы дружные
Путем большевиков,—
Кто встал к штурвалу, теплому
От Ильичевых рук,—
В кругу своих соратников
Проходит вождь и друг!
За борт сукна армейского
Заложена рука.
— Привет вождю любимому!—
Плывет издалека.
Не ветка к солнцу тянется,
Не стебель вверх растет—
То каждый
сердцем бьющимся
Летит—к нему, вперед!
Спеша в курьерском поезде,
Ведя свой самолет,
В Чукотке и на полюсе
Штурмуя синий лед,—
Везде, друзья, мы празднуем
Победы
первый день.
Скорей повязку красную,
Любовь моя, надень!
Счастливые,
здоровые,
У мира на виду
Идем—
Плоды янтарные
Взрастив в своем саду,
Держа в рядах равнение
На площадь
у Кремля,
Твердынью
Вкруг которого
Советская земля!
Крылами соколиными
От бурь защищена,—
Смотри,—
Цветет долинами,
Шумит плодами зрелыми,
Зовет делами смелыми
В грядущее страна!

Михаил ШОЛОХОВ

«Тихий Дон»

Отрывок из четвертой книги

В конюшне для станичных жеребцов — длинном каменном здании, стоявшем на краю станицы, было битком набито более восьмисот пленных красноармейцев. Стража не выпускала их оправляться, параш в помещении не было. Тяжкий густой запах человеческих испражнений стеною стоял около конюшни. Из-под дверей стекали зловонные потоки мочи; над ними тучами роились изумрудные мухи...

День и ночь в этой тюрьме для обреченных звучали глухие стоны. Сотни пленных умирали от истощения и свирепствовавших среди них тифа и дизентерии. Умерших иногда не убирали по суткам.

Григорий, об'ехав конюшню, только что хотел спешиться, как снова глухо ударило орудие с той стороны Дона. Скрежет приближающегося снаряда вырос и сомкнулся с тяжким гулом разрыва.

Пилот и прилетевший с ним офицер вылезли было из кабинки, их окружили казаки. Тотчас же на горе заговорили все орудия батареи. Снаряды стали аккуратно ложиться вокруг конюшни.

Пилот быстро влез в кабинку, но мотор отказался работать.

— Кати на руках!—зычно скомандовал казакам прилетевший из-за Донца офицер, и первый взялся за крыло.

Покачиваясь, аэроплан легко двинулся к соснам. Батарея провожала его беглым огнем. Один из снарядов попал в набитую пленными конюшню. В густом дыму, в клубах поднявшейся известняковой пыли обрушился угол. Конюшня дрогнула от животного рева охваченных ужасом красноармейцев. В образовавшийся пролом выскочило трое пленных, сбежавшиеся казаки изрешетили их выстрелами в упор.

Григорий отскакал в сторону.

— Убьют! Езжай в сосны!—крикнул пробегавший мимо казак с испуганным лицом и вытаращенными белесыми глазами.

«А и в самом деле могут накинуть. Чем чорт не шутит» — подумал Григорий и не спеша повернул домой.

В этот день Кудинов, обойдя приглашением Мелехова, созвал в штабе строго секретное совещание. Прилетевший офицер Донской армии коротко сообщил, что со дня на день красный фронт будет прорван частями ударной группы, сконцентрированной возле станицы Каменской, и конная дивизия Донской армии под командой генерала Секретева двинется на соединение с повстанцами. Офицер предложил немедленно подготовить средства переправы, чтобы по соединении с дивизией Секретева тотчас же перебросить конные повстанческие полки на правую сторону Дона; посоветовал стянуть резервные части поближе к Дону и уже в конце совещания, после того, как был разработан план переправы и движения частей преследования, спросил:

— А почему у вас пленные находятся в Вешенской?

— Больше их негде держать, в хуторах нет помещений,—ответил кто-то из штабных.

Офицер тщательно вытер носовым платком гладко выбритую вспотевшую голову, расстегнул ворот защитного кителя, со вздохом сказал:

— Направьте их в Казанскую.

Кудинов удивленно поднял брови:

— А потом?

— А оттуда—в Вешенскую...—снисходительно пояснил офицер, щуря холодные голубые глаза. И, плотнее сжав губы, жестко закончил:—Я не знаю, господа, почему вы с ними церемонитесь? Время сейчас как будто не такое. Эту сволочь, являющуюся рассадников всяких болезней, как физических, так и социальных, надо истребить. Няньчиться с ними нечего! Я на вашем месте поступил бы именно так.

На другой день в пески вывели первую партию пленных в двести человек. Изможденные, иссиня бледные, еле передвигающие ноги красноармейцы шли, как тени. Конный конвой плотно окружал их нестройно шагавшую толпу... На десятиверстном перегоне Вешенская—Дубровка двести человек были вырублены до одного. Вторую партию выгнали перед вечером. Конвою было строго приказано: отстающих только рубить, а стрелять лишь в крайнем случае. Из полутораста человек восемнадцать дошли до Казанской... Один из них, молодой, цыгановатый красноармеец, в пути сошел с ума. Всю дорогу он пел, плясал и плакал, прижимая к сердцу пучок сорванного душистого чеборца. Он часто падал лицом в раскаленный песок, ветер трепал грязные лохмотья бязевой рубашки, и тогда конвоирам были видны его туго обтянутая кожей костистая спина и черные, порепавшиеся подошвы раскинутых ног. Его поднимали, брызгали на него водой из фляжек, и он открывал черные, блещущие безумием глаза, тихо смеялся и, раскачиваясь, снова шел.

Сердобольные бабы на одном из хуторов окружили конвойных, и одна величественная и дородная старуха строго сказала начальнику конвоя:

— Ты ослобони вот этого чернявенького. Умом он тронулся, к богу стал ближе, и вам великий грех будет, коли такого-то загубите.

Начальник конвоя — бравый рыжеусый подхорунжий—усмехнулся:

— Мы, бабуня, лишнего греха не боимся на душу принимать. Все одно из нас праведников не получится!

— А ты ослобони, не противься,—настойчиво просила старуха.—Смерть-то над каждым из вас крылом машет...

Бабы дружно поддержали ее, и подхорунжий согласился:

— Мне не жалко, возьмите его. Он теперь не вредный. А за нашу доброту—молочка нам неснятого по корчажке на брата.

Старуха увела сумасшедшего к себе в хатенку, накормила его, постелила ему в горнице. Он проспал сутки напролет, а потом проснулся, встал спиной к окошку, тихо запел. Старуха вошла в горенку, присела на сундук, подперла щеку ладонью, долго и зорко смотрела на худощавое лицо паренька, потом басовито сказала:

— Ваши-то, слыхать, недалеко...

Сумасшедший на какую-то секунду смолк и сейчас же снова запел, но уже тише.

Тогда старуха строго заговорила:

— Ты, болезный мой, песенки брось играть, не прикидывайся и голову мне не морочь. Я жизню прожила, и меня не обманешь, не дурочка! Умом ты здоровый, знаю... Слыхала, как ты во сне гутарил, да таково складно!

Красноармеец пел, но все тише и тише. Старуха продолжала:

— Ты меня не бойсь, я тебе не лиха желаю. У меня двух сынков в германскую войну сразили, а меньший в эту войну в Черкасском помер. А ить я их всех под сердцем выносила... Вспоила, вскормила, ночей смолоду не спала.... Вот через это и жалею я всех молодых юношев, какие в войсках служат, на войне воюют...

Она помолчала немного.

Смолк и красноармеец. Он закрыл глаза, и чуть заметный румянец проступил на его смуглых скулах, на тонкой, худой шее напряженно запульсировала голубая жилка.

С минуту стоял он, храня выжидающее молчание, затем приоткрыл черные глаза. Взгляд их был осмыслен и полыхал таким нетерпеливым ожиданием, что старуха чуть приметно улыбнулась:

— Дорогу на Шумилинскую знаешь?

— Нет, бабуня,—чуть шевеля губами, ответил красноармеец.

— А как же ты пойдешь?

— Не знаю...

— То-то и оно! Что же мне с тобой теперича делать?—Старуха долго выжидала ответа, потом спросила:

— А ходить-то ты можешь?

— Пойду как-нибудь.

— Зараз тебе как-нибудь нельзя ходить. Надо иттить ночьми и шагать пошибче, ох пошибче! Переднюй ишо, а тогда дам я тебе харчей и в поводыри внучонка, чтоб он дорогу указывал, и—в час добрый! Ваши-то, красные, за Шумилинской стоят, верно знаю. Вот ты к ним и припожалуешь. А шляхом вам нельзя иттить, надо—степью, логами да лесами, бездорожно, а то казаки перевстренут и беды наберетесь. Так-то, касатик мой!

На другой день, как только смерклось, старуха перекрестила собравшихся в дорогу своего двенадцатилетнего внучонка и одетого в казачий зипун красноармейца, сурово сказала:

— Идите с богом. Да глядите, нашим служивым не попадайтеся!

...Не за что, касатик, не за что! Не мне кланяйся—богу святому! Я не одна такаято, все мы матери добрые... Жалко ить вас, окаянных, до смерти! Ну, ну, ступайте, оборони вас господь!—И захлопнула окрашенную желтой глиной покосившуюся дверь хатенки.

А. ГУРВИЧ

НОВЫЙ ГЕРОЙ

«Коммунистическая революция, это — самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого имущественными отношениями; неудивительно, что в ходе ее развития совершается самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого идеями». В этих словах из «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса предугаданы те огромные сдвиги, та решительная переоценка ценностей, тот небывалый переворот во всех сферах сознания и деятельности человека, которые несет с собой период становления бесклассового общества.

Священный кумир старого общества — деньги. «Они — видимое божество, превращение всех человеческих природных качеств в их противоположность, всеобщее смещение и извращение вещей; они соединяют братски невозможности. Они — вселенская блудница, вселенская сводня людей и народов» «...деньги суть всеобщее извращение индивидуальностей, которые они превращают в их противоположность и придают им свойства обратные их собственным свойствам. Деньги превращают верность в неверность, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, слугу в господина, господина в слугу, безрассудство в рассудок и рассудок в безрассудство. Кто может купить храбрость, тот храбр, если даже он и трус». Деньги—«превратный мир, смещение и подмена всех природных и человеческих качеств» *). Любому человеку деньги могут присвоить, приобщить любые качества, следовательно, они полностью обезличивают общество.

Герман, Печорин, Скупой рыцарь, Чичиков, Плюшкин, Собакевич, замоскворецкие купцы Островского, Гобсек, Растиньяк, Жюльен Сорель, Карамазовы, Каренины — вот истинные герои капиталистической конкуренции, герои-собственники, герои-стяжатели, герои-честолюбцы, герои-мстители.

Как ни различны эти люди, в каждом из них отражен «превратный мир, смещение и подмена всех природных и человеческих качеств». Только таким и мог быть сильный, властительный, всепобеждающий герой капиталистического общества. Ослепленный золотом, он должен был забыть все истинно человеческое. Он не имел права думать о чудовищном извращении своей личности, о полной подмене его личных качеств силой золота.

Если бы кто-нибудь из подобных героев сумел хотя бы в мыслях своих, хотя бы на мгновение вырваться из золотых цепей собственности и оглядеться — он пришел бы в неописуемый ужас. Он увидел бы фальшивость, искусственность своих чувств, мыслей, привязанностей, страстей, всей своей жизни. Из героя-палача он превратился бы в героя-жертву, в трагического героя с неотступной, непосильной мыслью: «за всю свою жизнь я ни разу не был самим собой, я не знал ни одного настоящего желания, не испытал ни одного истинного наслаждения, не насладился ни одним подлинным непосредственным чувством, ни одной свободной мыслью». Такое страшное сознание пройденной, но не прожитой, не состоявшейся жизни должно привести героя-собственника к неразрешимому душевному конфликту, от которого его может избавить только смерть.

Именно эту трагедию выразил А. М. Горький в своей замечательной пьесе «Егор Булычев». Егор Булычев — последний герой старого мира. У порога Великой социалистической революции он подводит итог жизни всех своих предшественников, он вскрывает их настоящую, неосознанную ими судьбу, уродливую, жалкую, обманчивую, саморазрушительную, несмотря на кажущуюся свою победность.

Великая Октябрьская революция, социалистическое строительство, бесклассовое общество избавляют человека «от всеобщего смещения и извращения вещей», от «превращения всех человеческих и природных качеств в их противоположность». Путь нашего героя, это — путь освобождения от всех ложных, не истинных, не человеческих чувств и стремлений. Природная сущность человека освобождается от своих извращений. Она обретает свою истинную красоту, свою неисчерпаемую творческую силу, свою способность неограниченного развития и многостороннего наслаждения жизнью. Истинность и полнота чувств и страстей, истинность и глубина мысли, свобода творческого духа человека, —вот за что борется Страна Советов, передовой отряд человечества, руководимый коммунистической партией.

Новая наша литература еще очень молода. Для искусства двадцать лет новой эры, двадцать лет революции в ходе развития которой совершается «самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого идеями» — небольшой срок. Герой нашего времени еще не отражен нашими художниками с такой силой и проникновенностью, с какой великие художники прошлого отражали своих героев. Нет сомнения, что на советской земле уже растет где-нибудь ее великий певец, которому дано будет поднять социалистическое искусство на огромную высоту. Нет сомнения и в том, что лучшие наши писатели будут неизменно расти и создадут еще множество прекрасных произведений. Но и то, что создано ими до сих пор, дает достаточно основания говорить о новом литературном герое, о герое социалистического общества, о новом человеке, жизнь которого не превращает его в собственную противоположность, а, наоборот, содействует освобождению и расцвету его индивидуальных качеств.

С этой точки зрения все действительные герои социалистического общества (а, следовательно, и их художественные образы) стоят в одном ряду, независимо от своих индивидуальных особенностей, от своего классового происхождения, от тех многочисленных, различных и своеобразных путей, которыми они идут к коммунизму.

Большевик Фурманов и стихийно-гениальный народный полководец Чапаев (фильм «Чапаев»), представительница широкой демократической русской интеллигенции Любовь Яровая и рядовой матрос Швандя, крестьянский вожак Вершинин и рядовой боец Васька-Окорок («Бронепоезд»), коммунисты — герои романов Шолохова, Фадеева и Серафимовича, комсомолец Павел Корчагин, руководитель коммуны беспризорных из «Педагогической поэмы» Макаренко, профессор Полежаев и матрос из фильма «Депутат Балтики» и многие другие герои, которых мы встречаем в романах, в поэмах, на театральных подмостках и экранах, — все эти люди являлись нам на высшем под'еме своей истинно-человеческой сущности. Никакой сложной и утонченной игры подставных чувств и мыслей старого героя, никакой интриги и хитросплетений обманных, фальшивых отношений буржуазного общества. Чистота и сила лучших, подлинно человеческих чувств — вот стимулы поведения героя социалистического общества.

Буржуазная мораль устами опытной виконтессы Босеан говорила молодому человеку Растиньяку: если у вас в душе есть хоть что-нибудь истинно-человеческое, если у вас есть искренние чувства, желания, спрячьте их, похороните их, чтобы никто о них никогда и не догадывался — иначе вы погибли, иначе вы из палача немедленно превратитесь в жертву. И молодой человек, не желавший стать жертвой с самого начала своего жизненного пути, растаптывал все свои юношеские романтические мечты, вооружался лицемерием, бездушием, эгоизмом и побеждал, побеждал, убивая свою человеческую природу, живя до гробовой доски не своей жизнью, а «мучительными химерами».

Герой социалистического общества силен своей правдой, искренностью, своей монолитностью, он свободен от разлагающей человеческую личность раздвоенности. Действительные человеческие и естественные силы сущности — друзья свободного человека, а не враги его. Полное отсутствие конфликта человека с его природой, с его здоровыми естественными силами и основанный на этом гармоническом слиянии небывалый расцвет этих сил — вот путь развития и идеал человека социалистического общества.

В противоположность герою старого мира новый человек может побеждать только силой своих действительных чувств, а не подставных, только силой своих действительных мыслей, а не двойственных соображений. В противоположность герою буржуазной конкуренции, герой социалистического соревнования для своей успешной победной деятельности должен подавлять в себе, прятать, изживать не действительные свои духовные силы, не настоящие свои чувства, страсти, вкусы, мысли, а, наоборот, все наносное, фальшивое, ложное, то есть предрассудки капитализма, сохранившиеся в его сознании.

Говоря о решительном разрыве нашего времени с идеями старого мира и проводя основной принципиальный раздел между старым и новым героем, мы ни на минуту не забываем, что во все времена, при всех общественных строях лучшие люди подымали свой голос в защиту свободы человеческого духа. Мы не забываем, что к числу этих лучших людей принадлежали величайшие художники всех времен, что в конечном итоге все крупные произведения мирового искусства проникнуты духом настоящей человечности и следовательно служили делу освобождения человечества. Мы помним, что новый свободный человек имеет своих многовековых предшественников, что в мировой литературе запечатлены образы свободоборцев, исключительные по своей силе и глубине. Мы знаем и любим этих героев, и по ним наш новый герой вправе считать свою родословную. Проводя раздел между героями старого и нового мира, мы имеем в виду не великих протестантов и бунтарей прошлого, а типичного представителя господствующего эксплоататорского класса, героя, являющегося хозяином жизни; властителя, «законодателя», героя действующего, определяющего собой весь строй и стиль жизни. И этому герою мы противопоставляем нового героя, нового хозяина жизни, типичного представителя бесклассового общества.

Однако между новым героем и его идейными предшественниками тоже есть существенная разница. Одним из древнейших и до сих пор художественно непревзойденных образов, в которых воплощена идея борьбы за свободу творческих сил человека — является эсхиловский образ Прометея. Прометей — символ свободной, творческой мысли. Косные силы заковали творца в цепи, чтобы сделать его мысль неподвижной. Прикованный цепями к скалам, Прометей проклял всех богов своего времени.

В трагической судьбе Прометея была предсказана судьба всех последующих свободоборцев до пролетарской революции. Их трагедия — есть трагедия мысли, стремящейся к свободе задолго до того, как были подготовлены условия к ее освобождению. Вот почему исполинские силы этих героев целиком растрачивались в пафосе отрицания. Они могли только проклинать богов своего времени, они могли отрицать, негодовать, протестовать, грозить, требовать, разоблачать, но действовать, творить, вести созидательную работу, соответствующую их огромным потенциальным творческим силам они не могли.

Герой социалистического общества — это Прометей, завоевавший свободу. Это герой труда. Близкий нам герой прошлого говорил: я протестую против бессмысленной уродливой жизни! Советский герой говорит: я создаю осмысленную, гармоническую счастливую жизнь!

В применении к литературе именно это различие выражено в горьковском определении «критический реализм» и в сталинском определении «социалистический реализм». Оба эти исторически обусловленные литературные течения крепко связаны друг с другом. Критический реализм не отжил. Наша страна находится в капиталистическом окружении. Неистовствует фашизм — это гальванизированное, взбесившееся средневековое варварство. Творческий гений немецкого, японского и итальянского народов в лице их лучших людей закован в цепи, загнан, замучен в фашистских застенках. На берлинских кострах превращены в пепел величайшие творения духовной культуры всех времен и народов.

Но в то же время Советский Союз — надежный хранитель всего лучшего, созданного человечеством, уже воздвигает величественное здание новой социалистической культуры. Герой бесклассового общества ненавидит враждебный ему старый, отживающий, агонизирующий мир. Ненавидит той предельной ненавистью, которую только может ощутить в себе по отношению к реакции человек, познавший прелесть свободной жизни.

Но пафос нашего героя — не пафос отрицания, а пафос социалистического строительства. Этот герой действует, строит. Он новый хозяин жизни. Он создает новую материальную и духовную культуру. Он раздвигает горы, соединяет реки и моря, хозяйничает на дне океанов, на полюсе, подымает на новую высоту потолок мира. Он ломает предельные нормы капиталистических возможностей, создает новые, самые эффективные методы труда, подымает на огромную высоту физическую и нравственную культуру молодежи, а, следовательно, и красоту, и здоровье, он строит свое будущее, пересматривает и очищает от клеветы прошлое своего народа, создает новую науку, новую этику, выдвигает новые эстетические вкусы, поет новые песни.

То обстоятельство, что в социалистическом обществе творческая мысль человека и его труд впервые становятся свободными, определяет и основную главную особенность социалистической литературы, отличающую ее от литературы досоциалистической. Труд человека, материальный и духовный, творческие замыслы и их осуществление, ежедневная практическая и вообще вся созидательная общественная деятельность человека, — впервые эта чрезвычайно многообразная и содержательная сторона жизни человека входит в художественную литературу в качестве основного ее содержания. Как люди создают ценности и как в процессе этого творческого труда выковываются люди — вот новая неисчерпаемая по богатству сюжетов, коллизий и по возможности выявления человеческих характеров область литературы, рожденная социалистическим строительством. Даже первые опыты такого социалистического романа («Педагогическая поэма», «Как закалялась сталь», «Поднятая целина») заставляют нас с волнением прочитывать каждую страницу.

Любовь и война — основные темы старой литературы. Великие буржуазные писатели реалисты выходили за ограниченные рамки литературы своего времени, но многие из них прекрасно понимали и сокрушенно признавались в том, что в буржуазной литературе человек освещается односторонне, что большая часть его жизни, его трудовая жизнь находится вне поля зрения художника. Что же касается буржуазной литературы времен ее упадка, т. е. довоенной декадентской литературы, то она занималась исключительно тем, что культивировала стиль паразитарной жизни. Созидательная деятельность человека, труд становятся содержанием художественных произведений только в Советской стране, и это замечательное явление социалистического реализма закономерно возникает именно в тот исторический момент, когда народы СССР осознают свой труд, как дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

*) Маркс. Философско-экономические рукописи 1844 года.

Привет героическому испанскому народу, борющемуся за свою независимость и свободу!

Лион Фейхтвангер

Непрерывное движение вперед

История советской литературы — непрерывное движение вперед. Она создала новые формы как в области лирики, так и в области романа, и оплодотворила другие литературы. А новое содержание, за которое она боролась и которым она овладела,— борьба и победа социализма, победоносно звучащий оптимизм, — обогащают мироощущение каждого.

Поль Низан

Оплот мира

Когда мне было двадцать лет, Октябрьская революция была для меня первой надеждой, засиявшей в мире, еще окровавленном войной. Двадцать лет спустя, когда в Китае и Испании фашизм снова зажег пожар, способный охватить весь мир, СССР, имеющий за собой двадцать лет мирных достижений и побед, продолжает быть величайшим оплотом мира и справедливости.

Леон Муссинак

СССР— молодость мира

Советскому Союзу двадцать лет. Больше, чем когда бы то ни было, он представляет молодость мира. Сталинская Конституция отметила его совершеннолетие. Я знаю все величие одержанных им побед. Мое сердце бьется в унисон с вашими сердцами. Я приветствую 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции и еще раз протягиваю советским писателям мою братскую руку.

Эптон Синклер

С вами!

С самым глубоким вниманием я следил в течение 20 лет за развитием СССР. Я считаю, что никогда еще в истории человечества народные массы не достигали таких огромных успехов в области культуры, политики и экономики. Надежды и мысли всего прогрессивно мыслящего человечества — с вами. Желаю вам быть такими сильными, чтобы враги человеческого благополучия не осмелились напасть на вас.

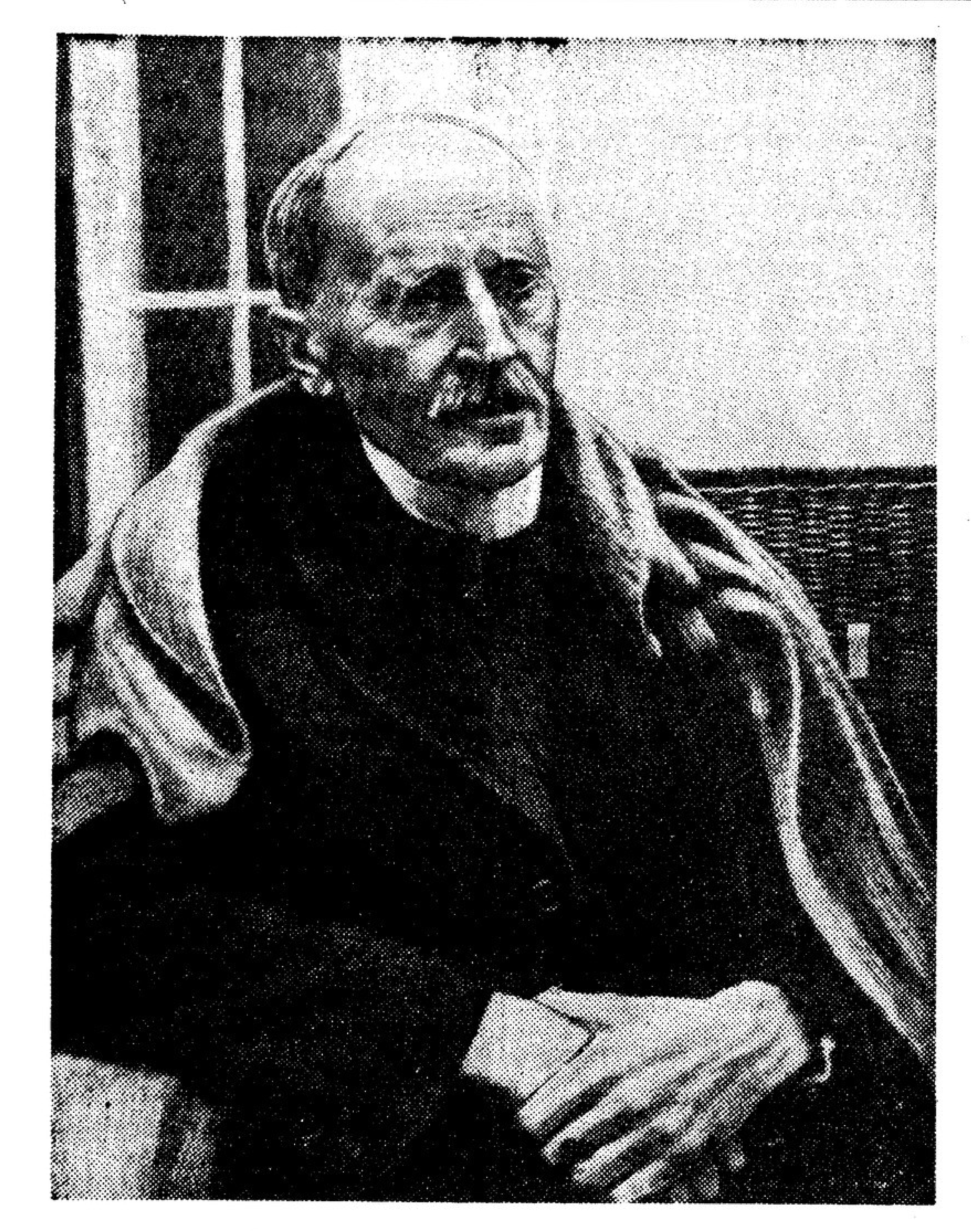
КНИГИ В ЦИФРАХ

В прошлом году произведения Пушкина в СССР, в связи со столетием со дня смерти великого поэта, были изданы тиражом в **12 миллионов** экземпляров. В царской России за двадцать лет было выпущено 9.131 тысяча экземпляров сочинений Пушкина.

За двадцать лет советской власти выпущено **22.421 тысяча** книг Пушкина.

Интересно сопоставить тиражи русских классиков в царской России и в Советском Союзе — за двадцать лет:

Тиражи	с 1897 по 1917 г.	с 1917 по 1936 г.
Некрасова	194 тыс.	5 млн.
Салтыкова-Щедрина	65 тыс.	4.860 тыс.
А. И. Герцена	167 тыс.	1.086 тыс.
Л. Н. Толстого	8 млн.	13 млн.
А. Н. Островского	132 тыс.	2.436 тыс.
А. П. Чехова	493 тыс.	11.321 тыс.
М. Горького	1.072 тыс.	3 млн.
В. В. Маяковского	4 тыс.	2,5 млн.



Великий писатель-гуманист, друг трудящихся всего мира, борец против фашистских варваров Ромэн Роллан

Ромэн РОЛЛАН

Праздник всего человечества

Товарищи и друзья, трудящиеся СССР, вместе с вами я праздную 20-летие Советского Союза. Это общий праздник всего человечества, стремящегося разбить цепи капиталистической эксплоатации и фашистского варварства. На том поле битвы, каким является современный мир, мощный СССР — величайшая армия социальной справедливости и человеческого прогресса. Мы приветствуем его знамена. Они также наши знамена. От Испании и до Китая у всех угнетенных народов, борющихся за свободу, одно общее отечество — СССР, расширившийся до рабоче-крестьянского Интернационала всего человечества. Будем же всегда едины! Вместе мы победим!

Пля-и-Бельтран

Фундамент человеческого будущего

СССР празднует двадцатилетие социалистического строительства, двадцатилетие созидания новой человеческой культуры в то время, как Италия, Германия и Япония уничтожают лучшие ценности человечества, сжигают книги, убивают женщин и детей, разрушают исторические города, как Гернику и Нанкин.

Защитники Мадрида и Шанхая, бойцы Испании и Китая, вспоминая о братской Красной Армии, дефилирующей по Красной площади на октябрьском параде, с новым мужеством сжимают свои винтовки, с новой решимостью бросаются на врага, показывая, на что способен народ, когда он борется за свою независимость, культуру и свободу.

Все, кто борется за свободу, не сводят глаз с Советского Союза. Двадцать лет революции — это утверждение новой формы жизни, в которой весь мыслящий мир видит фундамент человеческого будущего.

Оскар Мариа Граф

Воплощение социалистической гуманности

На двадцатом году существования Советского Союза вступила в силу великая демократическая Сталинская Конституция — самый свободный основной закон, который когда-либо существовал в цивилизованных странах. Признаюсь, когда я прочел этот документ, он надолго взволновал и вдохновил меня, как ни одно произведение эпохи.

Кто хочет знать, что такое социалистическая гуманность, пусть прочтет статьи 118—121 X главы Сталинской Конституции. Там сказано, что граждане СССР имеют право не только на труд, отдых, материальное обеспечение в старости или при потере трудоспособности, но и право на бесплатное образование во всех школах и высших учебных заведениях. Для молодежи этой страны действительно открыт мир! С тех пор, как Ленин привел советские народы к свободе, они обладают собственной родиной!

Генрих Манн

Моральное удовлетворение

В двадцатую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции народы Советского Союза испытывают огромное удовлетворение не только благодаря поразительно быстрому росту их благосостояния. Помимо материального довольства, имеющего, конечно, большое значение, народы СССР испытывают удовлетворение — моральное и духовное. Они повседневно ощущают свой культурный рост, видят под'ем науки и искусства.

Особенно глубокое удовлетворение должен испытывать писатель, являясь участником и активным выразителем этих переживаний.

Арнольд Цвейг

Пионер нового человечества

Двадцать лет жизни, — что означают они в жизни народов? Русский колосс за эти годы прошел громадный путь развития, энергичные и деятельные его народы научились стоять на собственных ногах. Сталинская Конституция дает законы, по которым пойдет дальнейшее развитие могучих и богатых народов Советского Союза. К 20-й годовщине их нового рождения мы желаем им счастья.

СССР стал пионером нового человечества, в его руках власть видоизменить нашу жизнь и сделать ее полной смысла, честной и прекрасной. Его руки защищают мир в Европе и ведут борьбу против варварства. И тот, кому предоставлено сегодня слово и кто не хочет лгать, тот должен быть боевым товарищем Советского Союза.

С. Арконада

На пути к победе

Счастье, благосостояние и мощь, достигнутые Советским Союзом к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции, свидетельствуют о том, что самые сокровенные мечты человечества выполнимы. С тем большей энергией мы, испанцы, стремимся к счастью, благосостоянию и мощи новой Испании, фундамент которой мы сейчас закладываем. Мы, великий испанский народ, шлем от имени страдающей сейчас Испании привет СССР с тем большим энтузиазмом, что мы стоим на пути к победе.

Люк Дюртен

Я верю в вашу страну

Я видел в СССР в городах мощные людские потоки, напряженный труд фабрик и заводов, плодородие и обилие в деревне.

Я видел во всей стране могучий, быстрый и полный энтузиазма рост. Я верю в вашу страну.

Хосе Эррера Петере

Воплощение надежд человечества

К 20-летию твоего существования, Советский Союз, я хочу тебе сказать, что ты — реальное воплощение всех величайших надежд человечества. Говорю это от имени народа, ведущего смертельную борьбу за свою независимость, проливающего свою кровь, но мужественно противостоящего врагу и преисполненного ненависти и решимости бороться до конца.

Ф. КЕЛЬИН

Октябрьский спектакль в Мадриде

Шоссе Валенсия—Мадрид. Вечереет. Над страной дышит испанская осень. Листья почернели и сморщились. Ярче выступает розовая земля виноградников и апельсинных садов. То и дело дорогу заволакивает сетка дождя. Горы и холмы окутаны сырым туманом.

Я ехал в Мадрид на премьеру «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, поставленной в театре «Искусства и пропаганды» в честь двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Душой этого театра является Мария Тереса Леон. Правительство предоставило театру помещение б. театра Сарсуэлы, с большой сценой, необходимой для постановки массовых спектаклей. Мария Тереса ввела ряд принципиальных нововведений в театре. Она об'яснила испанским актерам преимущество лестниц, площадок и покатого плана перед плоской сценой, на которой они привыкли до сих пор играть. Для испанского театра эти нововведения означают подлинную революцию.

Качественно состав труппы театра довольно сильный. Особенно выделяются в мужском составе Северино Мехуто, играющий в пьесе Вишневского роль Алексея, Луис Пенья, Барберо, а в женском составе — Мария Анхела дель Ольно (комиссар).

Весь день 13 октября шли непрерывные репетиции. Даже происходившая в этот день бомбардировка фашистами Мадрида не прекратила их. Особенно сильной бомбардировке подвергся город вечером, и как раз тот район, где расположен театр. Присутствуя на репетициях «Оптимистической трагедии», я мог видеть, как реагировали на обстрел испанские актеры. Один снаряд разорвался совсем рядом с театром в момент происходившей на сцене оживленной дискуссии. Секунда молчания и — снова горячие споры.

В перерыве между репетициями я бродил по Мадриду. Осенний воздух как-то по-особенному чист и прозрачен. В парке Дель Буэн-Ретиро еще цветут последние цветы.

14 октября заканчиваются последние приготовления к спектаклю. Художники разрисовывали большой плакат (военмор с гармонией в руках), в последний раз просматривали костюмы. Работницы фабрики в Сирос, узнав, что советские моряки носят тельники (они неизвестны в испанском флоте), связали их по указаниям Марии Тересы. Энтузиазм, вызванный постановкой «Оптимистической трагедии», так велик, что работницы отказались взять плату за свою работу. Синие форменки дало министерство авиации. Дивизия Кампесино прислала винтовки, штыки и один из своих пулеметов. В испанской постановке «Оптимистической трагедии» нет бутафории в обычном смысле слова: мешки, ящики для динамита, проволочные заграждения — все настоящее, взятое из артиллерийского парка. Удивляться не приходится — театр находится в 700 метрах от фронта. Аккомпанементом для спектакля служат канонада и разрывы снарядов, выпускаемых неприятельскими батареями с Серро дель Агиля.

15-го на рассвете противник редким огнем снова обстрелял город, на этот раз не центр, а его рабочие кварталы. Над городом прошли самолеты; у Хуэста де ля Рейны шел бой. Все это создавало боевое, приподнятое настроение. Вечером состоялся просмотр двух первых актов. Были представители печати, литераторы. Марию Тересу, не выходившую в этот день из театра, со всех сторон поздравляли с замечательной постановкой.

Наконец наступил день премьеры — 16 октября. Спектакль должен был начаться в 5 ч. 30 м., но уже задолго до этого времени на небольшой площади перед театром толпился народ. За кулисами — нервная обстановка премьеры.

Зал празднично убран красными полотнищами с приветственными словами Советскому Союзу. Свой спектакль театр посвятил 20-й годовщине Октября. Перед красным занавесом стоит небольшой стол. Спектакль должен открыться митингом.

Огромный театр полон. Военная форма и рабочие спецовки пестрят толпу зрителей. Много женщин, детей. Рядом со мной в ложе — группа старшего командного состава армии.

Перед занавесом появляются поэты: Артуро Серрано Пляха, приветствующий двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции от «Альянса антифашистской интеллигенции», Луис Сернуда, читающий свои стихи о Советском Союзе. Альберти читает свой перевод «Гренады» Светлова; Росадо выступает с приветствием от имени Общества друзей Советского Союза. Последней выступила Мария Тереса с об'яснением задач театра.

Короткая музыкальная интродукция на тему «Яблочко», написанная для спектакля композитором театра Хесус Гарсия Леосом, и занавес поднимается. Минута высокого напряжения. И вдруг откуда-то сверху срывающийся голос кричит «браво». Его останавливают. Испанский зритель хочет слушать. Впервые за 50 лет он увидел «правду жизни» на сцене своего театра. Обращение кончено: снова звуки трубы; отряд перестраивается. Оркестр играет популярную в Испании «Кавалерийскую», стройные мужские голоса дружно подхватывают мотив. Взрыв аплодисментов. Проходят две, три, пять минут — зрители так же бурно аплодируют. И вдруг весь театр поднимается. Люди с суровыми, растроганными, счастливыми лицами, подняв вверх кулаки, смотрят туда, где сидит защитник Мадрида ген. Миаха. Раздаются звуки гимна Риего. И снова глубокая тишина. Публика жадно слушает и глядит.

700 метров отделяют театр от траншей. В любое мгновение неприятель может обстрелять его. А между тем театр переполнен. Зритель страстно, как нечто свое, родное переживает пьесу. Его волнует судьба отряда советских моряков; ведь это же его собственная «оптимистическая трагедия». Те же вопросы волнуют сейчас испанский народ.

Второй акт, ставящий с большой остротой проблему дисциплины, отношения к командованию, подлинного героизма, проходит при напряженном внимании зала и вызывает горячее одобрение. В антракте в ложах, в самом зрительном зале идут споры. Это уже не литературная дискуссия предшествующего дня: спорят военные, спорят шумно, взволнованно. Пьесу обсуждают так, как стали бы обсуждать проблему внутренней политики, или событие на фронте. Все симпатии на стороне комиссара и, когда в последнем действии он умирает, в театре слышатся всхлипывания. Плачут преимущественно женщины. Мужчины стараются сохранить суровое спокойствие. Но они тоже растроганы.

Нужно ли говорить об успехе пьесы? Мария Тереса, вернувшись поздно ночью домой, долго не отходит от телефона. Звонят из театров, клубов, кино, требуя постановки «Оптимистической трагедии» в различных районах Мадрида. И это через час после окончания спектакля!

КНИГИ В ЦИФРАХ

В 1913 году, при царизме, было издано около 86,7 миллиона экземпляров книг.

В СССР в 1936 году выпущено **571,1 миллиона** экземпляров книг, т. е. в **6,6 раза** больше.

За двадцать лет победоносной социалистической революции в Советском Союзе издано **607,2 тысячи названий** книг тиражом **6.676,3 миллиона** экземпляров.

*

В 1913 году в России печатались книги только на 49 языках. Тираж изданных книг был ничтожный — 6.521 тысяча экземпляров.

На **111** языках народов СССР издаются книги в нашей стране.

В одном только 1936 году на языках братских народов (кроме русского) выпущено **132.851 тысяча** экземпляров разных книг.

О. ВОЙТИНСКАЯ

Демократия и искусство

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата...»

Ленин.

«Помещик говорит слуге: «Молчать! Я не потерплю, чтоб ты мне отвечал!»

Начальник департамента замечает, бледнея, чиновнику, делающему возражение: «Вы забываетесь, знаете ли вы, с кем вы говорите!» Государь «за мнения» посылает в Сибирь, за стихи морит в казематах, и все трое скорее готовы простить воровство и взятки, убийство и разбой, чем наглость человеческого достоинства и дерзость независимой речи» [1]. Эти полные горечи строки Герцена рисуют трагическое положение человеческой личности в старой России.

Сломленный Радищев, отданный в солдаты Полежаев, Пушкин, в отчаянии воскликнувший: «чорт догадал меня родиться в России с талантом и душой», убитый Лермонтов, замученные Белинский и Добролюбов, потрясающая трагедия Чернышевского... этот скорбный список можно было бы значительно увеличить.

А сколько талантливых людей погибло в безвестности!

Капиталистический способ производства враждебен искусству, враждебен поэзии также и потому, что капитализм душит и топчет человеческую личность.

В этом обществе победить мог только буржуазный эгоист и себялюбец, человек, строивший свое личное благополучие вопреки интересам окружающих, на их несчастьи и обездоливании. Таков железный закон классового общества. Руководясь этим законом, действовали Растиньяки, Тартюфы, Ноздревы — страшное воплощение человеческих уродств, порожденных классовым обществом.

В этом обществе личная свобода существует только для представителей господствующего класса и только постольку, поскольку они являются представителями этого класса. Народ создавал свою культуру, создавал свое искусство в борьбе против основ феодального и капиталистического общества.

Вера в человека создавала пафос произведений классической литературы. Она вызвала к жизни укоризненные слова старого цыгана, обращенные к Алеко: «Ты для себя лишь хочешь воли». Вера в человека воодушевляла Пушкина, воскликнувшего: «Товарищ, верь, — взойдет она, заря пленительного счастья!»

Народные чаяния воплотились в произведениях великого буревестника пролетарской культуры — М. Горького.

Все творчество классика пролетарской литературы — Максима Горького посвящено трагической судьбе человеческой личности в мире частной собственности. Это основная тема таких, казалось бы, различных произведений, как «Челкаш» и «Мои университеты», «Фома Гордеев» и «Детство», «Страсти-мордасти» и «Егор Булычев».

Во имя человека он беспощадно боролся против мерзости человеческой жизни в старой России.

Оптимизм народа, его вера в человека нашли поэтическое выражение в строках Горького: «Превосходная должность — быть на земле человеком, — сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотою».

Так писал автор одного из самых трагических произведений мировой литературы «Страсти-мордасти», автор «Девочки», «Васьки Красного», «Городка Окурова».

«Человек — это звучит гордо» — вот что звучало и звучит лейтмотивом подлинно народной литературы, вот что создавало и создает ее высокий нравственный пафос.

Нам на долю выпала величайшая честь быть современниками, быть участниками Великой социалистической революции, той революции, которая уничтожила самую возможность эксплоатации человека человеком. Многовековые народные идеалы нашли полное выражение во всепобеждающей теории партии Ленина — Сталина.

Сила и новизна самой передовой в мире советской литературы прежде всего в том, что она выражает тенденцию борьбы за освобождение человечества от ига эксплоатации. Впервые в истории созданы условия для роста личности, для расцвета индивидуальных свойств человека. «...Коллективизм, социализм, — говорит товарищ Сталин, — не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности».

Эта прочная гарантия охраны интересов личности нашла выражение в Сталинской Конституции, в завоеванном советским народом праве на труд, отдых и образование, в равноправии граждан СССР независимо от их национальности и пола.

В стране, где труд, как гласит Конституция, «является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина», жить — это значит творить.

История жизни Алексея Стаханова, Марии Демченко, Виноградовых, Сметанина, Джамбула, Сулеймана Стальского — сотен тысяч талантливых людей из народа, — факт не только биографического значения.

Биография любого из них — это замечательный документ о преимуществах социализма, о народном счастьи в обществе, где стало девизом великое изречение — «человек — это звучит гордо». «Всю мою жизнь, — писал классик социалистического реализма М. Горький, — я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

Впервые в истории человечества предметом поэтического изображения стала об'ективно прекрасная социалистическая действительность.

«Предположи человека как человека и его отношение к миру как отношение человеческое, — писал Маркс, — и в этом случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком; и если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть действительно человеком, который действует на других людей побуждающим и благотворным образом.

Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим твоему намерению, проявлением твоей действительной индивидуальной жизни».

Только социализм создает условия для расцвета естественных свойств человека, его органической потребности в труде, в творчестве, в искусстве. Сталинская Конституция — это закон о социалистическом росте личности, о высоких этических идеалах в обществе, где труд во имя народа стал делом чести, доблести и геройства.

Советская литература делает шаг вперед в художественном развитии человечества именно потому, что она воссоздает рожденные жизнью новые человеческие характеры.

Она рисует рождение социализма в условиях ожесточенной классовой борьбы, движение многомиллионных народных масс от капитализма к коммунизму, социалистический рост личности.

Высокое нравственное горение людей социализма рождает пафос лучших произведений советской литературы, пафос, волнующий и зовущий к борьбе и труду миллионные массы.

В жизни и литературе герой нашего времени — это прежде всего борец за дело социализма, за дело народа.

В создании образа народного героя — сила фурмановского «Чапаева», «Как закалялась сталь» Островского.

«Нет для меня в жизни ничего более страшного, чем выйти из строя», — писал Павел Корчагин своему брату.

«Работа должна давать для моего сердца что-то такое, чтобы я не чувствовал себя на отшибе», — говорил он своему другу Акиму.

В течение веков литературным героем был человек, вступивший в разлад с обществом, человек-одиночка.

Отличие и особенность советской литературы прекрасно выражены в стихах Маяковского:

Мы —
Эдисоны
невиданных взлетов,
энергий
и светов.
Но главное в нас, —
и это
ничем не заслонится, —
Главное в нас,
это — наша
Страна Советов,
Советская воля,
Советское знамя,
Советское солнце.

Социалистический реализм впервые в истории мировой литературы делает предметом поэтического изображения народ в его действительной исторической роли.

«Трудовой народ делал историю, но не мог записать ее», — писал М. Горький в замечательной статье об истории деревни.

Горький в своем творчестве впервые открыл человечеству мир чувств и мыслей людей из народа в их подлинной сложности и многообразии.

Литературный опыт Горького был неразрывно связан с жизненным опытом народных масс. Жизнь народных масс была личной, кровной темой Горького.

Вот почему его так волновал вопрос о народном эпосе наших дней. Классик социалистического реализма, он открыл искусство поэтов-импровизаторов типа Сулеймана Стальского и Джамбула.

Казахстанский поэт-импровизатор Джамбул говорил о себе:

«Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и о народе.

Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе. Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь своим голосом и только правду».

«Когда я пел о себе, я пел о народе; когда я пел о народе, я пел и о себе» — в этом новаторство Маяковского, сделавшего борьбу за социализм своей личной поэтической темой, в этом сила горьковского творчества.

Писателю нашего времени выпала на долю великая честь — воспеть подвиг борьбы народных масс за дело социализма, за идеи Ленина и Сталина.

Для советского искусства программными являются слова товарища Сталина: «Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни».

Демократия и искусство! Веками нам твердили, что эти понятия несовместимы. Но вот осуществилась мечта Пушкина. Он нашел дорогу к своему настоящему читателю, к своему ценителю, и к нему не зарастает народная тропа.

Юбилей Руставели превращается в величайшее народное событие...

Разве это не доказательство того, что народ — самый лучший критик, самый лучший ценитель искусства.

«Исключительная концентрация художественного таланта в отдельном индивиде и связанное с этим подавление его в массе,— писал Маркс, — является следствием разделения труда».

Социализм создал условия для гармонического развития всех творческих способностей человека.

Социалистический рост личности означает также и развитие эстетической потребности.

Подлинное эстетическое развитие трудящихся масс, народа возможно только в стране, где создана реальная база для демократии, где само искусство демократично.

Вот почему социализм создает все условия для художественного развития человечества, вот почему социализм и развитие советской демократии означают небывалый расцвет искусства.

Единство советского народа и творцов искусства социализма ярко продемонстрировано сейчас, в дни избирательной кампании. Собрания рабочих и колхозников единодушно выдвигают наших лучших писателей кандидатами в депутаты Верховного Совета. Этот знаменательный, почетный акт доверия обязывает ко многому работников советской литературы и, прежде всего, к активному участию в избирательной кампании, в агитации за лучших сынов народа оружием художественного слова.

Народ доверяет советскому писателю выразить в поэтической форме народные чаяния, мысли и чувства. Советской литературе еще предстоит большой трудный путь. Пойдем же вперед, товарищи! А напутствием нам будут слова вождя народов — нашего Сталина: «Только народ бессмертен. Все остальное — преходяще. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа».

---

[1] Герцен, «Былое и думы», т. I, стр. 202.

ЗА ДАЛЬНЕЙШИЙ РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СССР, ЗА НОВЫЕ УСПЕХИ И ЗАВОЕВАНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ!

Алексей СТАХАНОВ

За живую связь с читателями

В славную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции я хочу обратиться к писателям с призывом — создать книги о вождях революции, о жизни замечательных большевиков. Ведь ни для кого не секрет, что за исключением замечательной книги Анри Барбюса «Сталин» мы не имеем ни одного крупного произведения о нашем любимом вожде. Нет художественных произведений о М. И. Калинине, В. М. Молотове, Л. М. Кагановиче, К. Е. Ворошилове и других соратниках Ленина и Сталина, чьи биографии неразрывно связаны с победами социализма.

Я хочу еще сказать писателям, что необходимо оживить прекрасные традиции В. Маяковского, поэта, у которого была постоянная живая связь с читателем.

Мне кажется, что нужно проводить литературные вечера не столько в Политехническом музее, хотя и это не плохо, сколько в рабочих клубах, в цехах, на шахте и в студенческом общежитии, где они проводились бы не в официальном порядке — прочел произведение и ушел, а в более дружественной, более интимной обстановке, где можно было бы и обсудить прослушанное произведение и, если нужно, поспорить с автором.

Такие встречи дадут много и читателю и писателю в его дальнейшей творческой работе.

Проф. А. В. ШЕСТАКОВ

Написать книгу о величайших людях нашей эпохи

Говоря о моих любимых писателях, я, сам бывший рабочий, не могу не вспомнить об А. М. Горьком — этом сыне рабочего класса, величайшем пролетарском писателе, человеке большой культуры и глубокого ума. Горького я люблю и ценю больше всех, как рабочего революционера, как крупнейшего мастера слова нашей эпохи.

Из ныне здравствующих современных советских писателей наиболее ценимы мною М. Шолохов, Алексей Толстой и Ю. Тынянов.

«Тихий Дон» и «Поднятая целина» дают яркую, правдивую картину жизни казачества на протяжении большого исторического периода.

Мои пожелания М. Шолохову: окончить «Поднятую целину» и написать, как живет современный казачий колхоз.

«Петр I» Алексея Толстого, несомненно, крупнейшее произведение из современных исторических романов. Этот талантливый писатель должен дать еще не один исторический роман, в котором глубоко и исторически верно будет отражена история нашей замечательной родины.

Очень ценны для историка «Кюхля» и «Пушкин» писателя Тынянова. Эти талантливо и тонко написанные романы заслуживают самого серьезного внимания, не только как романы по истории литературы, но и как исторические.

Роман «Пушкин» повествует о лицейских годах поэта. Нельзя не выразить пожелания, чтобы Тынянов охватил всю жизнь поэта и дал нам историю всей жизни Пушкина, написанную так же художественно и талантливо.

Мое самое глубокое пожелание всем литераторам-историкам — написать книгу о величайших людях нашей эпохи — Владимире Ильиче Ленине и Иосифе Виссарионовиче Сталине. Дайте нам большое художественное полотно, изображающее во весь рост этих мудрых и сильных людей, великих вождей и любимых друзей трудящихся нашей родины и всего мира.

Дуся ВИНОГРАДОВА

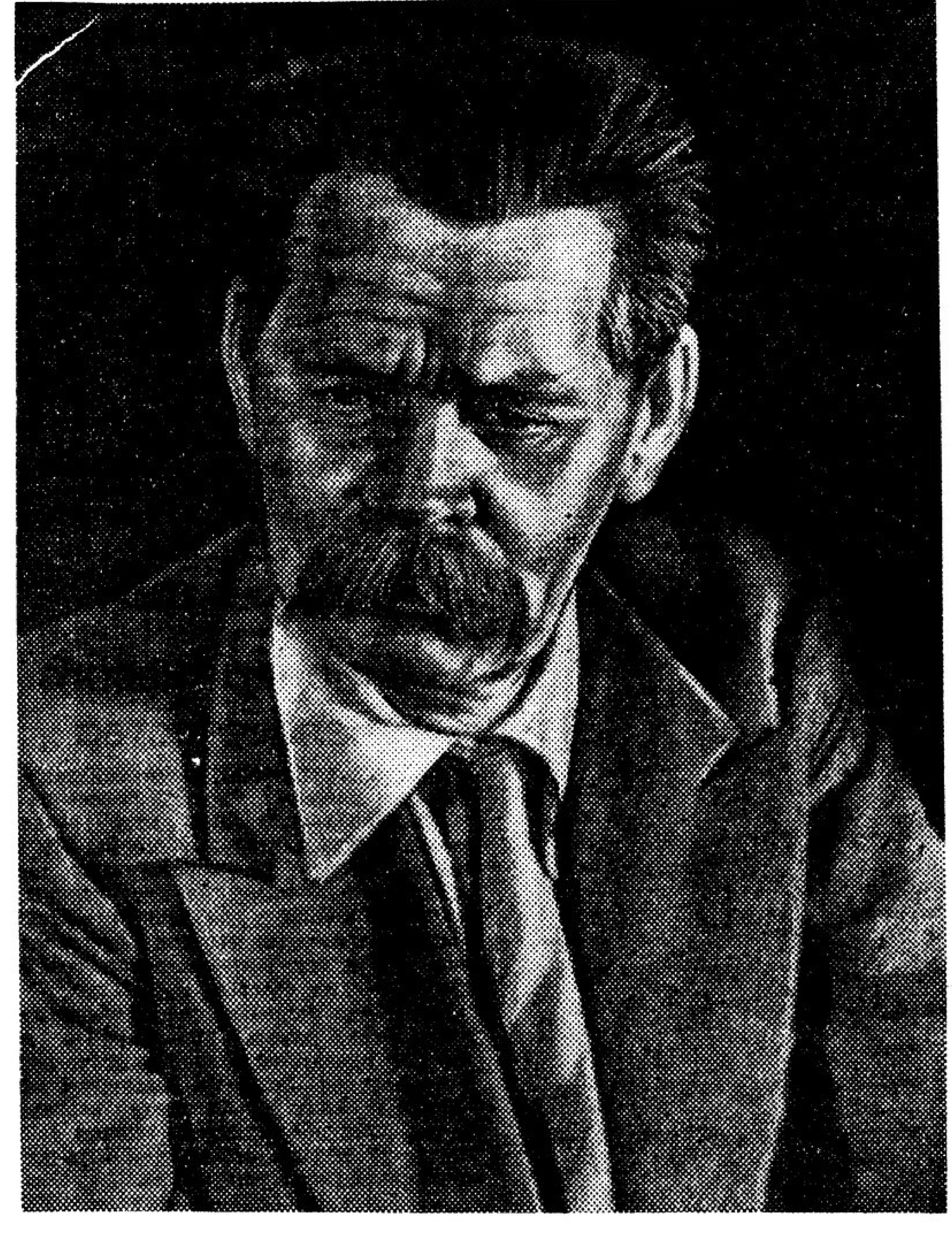
Наш народ любит песни

Я люблю советскую поэзию. Особенно любимые мной поэты — В. Маяковский, Д. Бедный, Н. Асеев и др.

Большое место в моей жизни занимает песня. И я хочу принести самую горячую благодарность поэтам-песенникам В. И. Лебедеву-Кумачу, Д. Бедному, поэтам А. Суркову, М. Голодному, М. Светлову и В. Гусеву, которые своими песнями доставляют мне много радостных минут.

Мастерам советской песни нужно писать побольше бытовых, производственных песен и создать, наконец, советские романсы, чего сейчас, к сожалению, у нас еще нет. А ведь из-за отсутствия их молодежь зачастую пользуется пошлыми, истерическими романсами Вертинского.

Наш народ любит петь, и поэты должны позаботиться, чтобы у него было много разнообразных песен.



Великий русский писатель Алексей Максимович Горький

Виктор ГУСЕВ

Песня о дальней заставе

Из пьесы в стихах «Дружба»

Где шепчутся сосен тревожные стаи,
Где зверь из оврага ползет,
На дальней заставе, на дальней
заставе,
Мой верный товарищ живет.
Стоял он в дозоре осеннею ночью,
Хотел его враг окружить,
Хотел его очи, орлиные очи,
Навеки во мрак погрузить.
Он храбро сражался, держался он
твердо,
Стоял, не страшился угроз.
Троих он убил, но подкрался четвертый,
Тяжелую рану нанес.
Упал мой товарищ на тихие травы.
Не надо, не плачь, не рыдай.
Сказал мой товарищ:
«— Родная застава,
Родная застава, прощай».
Но в эту минуту друзья подоспели,
И враг не ушел от свинца.
К родимой заставе, на серой шинели,
Несли они молча бойца.
И снова несет он дозорную службу.
Его не могу я забыть.
Давно я уехал, но верную дружбу
Разлука не сможет разбить.
Пишу я наркому письмо заказное,
Прошу на границу послать.
Хочу на границе я, ночью глухою,
С товарищем рядом стоять.
Споем же, дружище, о нашем оружьи,
О нашем пути боевом,
Споем же о службе,
споем же о дружбе,
О дальних заставах споем.

Э. КРЕНКЕЛЬ

Радио с Северного полюса

МОСКВА, РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Привет и поздравления писателям и читателям советской литературы к двадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Наша «библиотека» состоит из нескольких книг.

Перечитали Алексея Толстого, Максима Горького, Теодора Драйзера.

Наш заказ советским писателям — писать содержательные, но веселые и жизнерадостные книги.

Н. Н. БУРДЕНКО

Заслуженный деятель науки, профессор-орденоносец

Вот это сила!

Я более или менее внимательно слежу за советской художественной литературой. Есть круг писателей, творчество которых меня особенно привлекает, — это М. Шолохов, А. Толстой, В. Вересаев, К. Тренев, Ю. Тынянов, тонкий и умный писатель, творчеству которого наша критика почему-то не уделяет должного внимания.

Из драматургических произведений на меня потрясающее впечатление произвела пьеса А. М. Горького — «Егор Булычев и другие». Выведенные в ней лица — мои современники, которые очень хорошо мне знакомы. Прошлое вставало, как наяву.

Сравнительно недавно, читая одно из последних произведений Горького — «Жизнь Клима Самгина», я подумал, что в нашей литературе еще не нашло своего отражения младшее поколение Самгиных со всеми его отрицательными свойствами.

Не отражены еще по-настоящему явления перелома в сознании старых русских интеллигентов.

Победа планового социалистического начала в научно-исследовательской области вызвала переворот в мышлении и психологии старых ученых. Нынешний старый ученый — это не рассеянный старичок, забывающий у знакомых галоши, каким его выводили в романах некоторые писатели, а боец, патриот, самоотверженно отдающий свои знания и опыт народу. К сожалению, к этому новому явлению литература еще вплотную не подошла. Писатели плохо связаны с наукой. В этом отношении для них образцом мог бы явиться А. П. Чехов, который глубоко интересовался всеми областями и явлениями научной жизни.

Мои пожелания писателям к великому празднику — проявлять больше любознательности, создать правдивые произведения о тех сложных изменениях, какие произошли сейчас в сознании старой интеллигенции.

Ленинград.

В. МУХИНА

Скульптор

Большой писатель

За что я люблю Михаила Шолохова? — За монументальность его произведений, за эпос той эпохи, которую он так сильно чувствует. От его «Тихого Дона» пахнет черноземом и горькой полынью. Его герои растут от земли и силу свою черпают в ней.

Мне нравится тот прием, которым работает Шолохов: черты героев накапливаются постепенно, и так-же постепенно растет творимый им образ.

Вот поэтому его произведения читаются с неослабевающим интересом до самого конца.

Михаил Шолохов всесторонне раскрывает сущность происходящих событий, раскрывает образы врагов и друзей — без подсказки своих симпатий и антипатий, — но с таким мастерством, что заставляет читателя чувствовать так, как этого хочет писатель.

В Шолохове нет крикливости, его люди и вещи обладают лаконичностью и простотой мудрости.

Он обладает даром заставлять читателя включаться в жизнь своего произведения, а не наблюдать ее со стороны.

Это — признак большого писателя.

Е. П. КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Народная артистка СССР

Моим любимым писателям

Мы, актеры, кровно связаны с великой литературой нашей родины. Двадцатилетие советского театра невозможно отделить от двадцатилетия советской литературы. И о творчестве советских писателей хочется именно сегодня повторить слова товарища А. А. Жданова, что «наша литература является самой молодой из всех литератур всех народов и стран. Вместе с тем она является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой».

Как горестно, что Алексей Максимович, который учил правде творчества не только писателей, но и всю художественную интеллигенцию, не дожил до торжества Сталинской Конституции, завершающей первое октябрьское двадцатилетие.

Кто же из писателей советского двадцатилетия наиболее близок и понятен мне? Я очень жалею, что так и не состоялась моя встреча с Николаем Островским. Я хотела сказать ему о своем восхищении его мужеством бойца и писателя. Его книга «Как закалялась сталь» поразила меня кристальной чистотой героя и автора. Я прочла ее залпом.

Большое впечатление произвели на меня романы Шолохова, которого я считаю одним из лучших советских писателей, большим и настоящим художником. И мне, как актрисе, вполне понятно, почему произведения этого писателя послужили основой создания советской классической оперы. Конечно, я должна упомянуть и о великолепном писателе Алексее Толстом, чьи произведения доставляют мне подлинную радость. Я с нетерпением ожидаю выхода из печати нового романа А. Толстого, рассказывающего об обороне Царицына.

Недавно я прочла «Педагогическую поэму» и начало «Книги для родителей» А. Макаренко. Я никогда не слышала раньше имени этого автора, но на мой взгляд — это выдающиеся произведения, которые мне, как матери, особенно интересны.

Большое удовольствие доставило мне также чтение прекрасной повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий», пронизанной светлым ощущением южного моря и солнца. Переживания двух мальчиков становились и моими переживаниями.

Как видите, список моих любимых писателей и любимых книг чрезвычайно разрастается, а я еще не успела назвать многие произведения, о которых хочется сегодня говорить. Я люблю отличного бытописателя Вячеслава Шишкова, я люблю Зощенко. Я каждый день ищу в газетах корреспонденции М. Кольцова, знакомящие нас с героической борьбой испанского народа. Я люблю советских поэтов Тихонова, Прокофьева, Лахути, Виктора Гусева, чудесного, мудрого старца Сулеймана Стальского...

Я рада возможности поздравить сегодня писателей нашей страны с великим праздником двадцатилетия Октября. Что же пожелать вам, товарищи? Трудиться и творить на благо социалистической родины — вот в чем наше счастье.

ПЯТЬ КАНДИДАТОВ

Михаил Александрович Шолохов

Алексей Николаевич Толстой

Александр Евдокимович Корнейчук

Сулейман Стальский

Владимир Петрович Ставский

Только в стране, где социалистическая культура прокладывает пути в самую гущу народных масс, только в стране, где неуклонно стираются противоречия между физическим и умственным трудом, где абсолютно невозможен конфликт между личностью и обществом, — явление, столь характерное для буржуазной среды, — люди искусства, писатели пользуются поистине всенародной славой и признанием.

Народ видит в них своих мастеров слова, чтит, как один из передовых отрядов строителей социализма, и потому окружает их почестями, заботами, вниманием, о которых и мечтать не смеют художники в буржуазных странах.

Можно привести бесконечное количество примеров, свидетельствующих о внимании народа к писателям. Но никогда еще массы не демонстрировали своего уважения к творцам духовных ценностей, художникам социалистической родины с такой силой, наглядностью и настойчивостью, как сейчас, в дни, предшествующие выборам в верховные органы советского государства.

Среди лучших людей страны, намеченных народом в качестве кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, названы также имена пяти писателей. В разных концах нашей необ'ятной земли люди разных национальностей, разных профессий и положений, спаянные единой идеей, едиными интересами социализма, выдвигают кандидатами в высший государственный орган как выразителей своих лучших чаяний — художников слова. Народ знает тех, в чьи руки он вручает судьбы государства, глубоко убежден в том, что выдвигаемые им кандидаты и впредь будут со всей непримиримостью партийных и непартийных большевиков драться за окончательную победу ленинско-сталинских идеалов.

Первым было названо имя **Михаила Шолохова.**

И это не удивительно.

Есть ли такой уголок в нашей стране, куда не проникли бы замечательные творения этого могучего художника?

Есть ли в многонациональном Советском Союзе язык, на который не были бы переведены его «Тихий Дон» и «Поднятая целина», эти книги монументального размаха, пронизанные глубочайшей ненавистью к паразитирующим классам, поднимающие на бой с темными силами прошлого, воспевающие мудрость, величие и могущество народа?

С гордостью говорят о Шолохове его собратья по перу. Они ценят не только его огромный талант, но и то чувство большевистской ответственности, с которым он относится к своему дарованию. Они любят его за неподдельную скромность, за простоту, за весь его образ жизни, достойный писателя-большевика, писателя-общественника, воспитанного и взращенного советской страной.

«Его неразрывная органическая связь с народом дает образ подлинно советского литератора. Михаил Шолохов — наша честь!».

Так говорит о нем драматург Ник. Погодин. В унисон этим словам звучит заявление Валентина Катаева:

«Выдвижение кандидатуры тов. Шолохова, который своим творчеством и общественным обликом является примером для нас, писателей, безусловно горячо будет поддержано всеми писателями и читателями нашей родины. Всей своей деятельностью, всеми страницами своих книг Михаил Шолохов доказал свою большевистскую стойкость, высокую идейность, беспредельную преданность делу партии Ленина — Сталина».

Нет такого человека в нашей стране, который с радостью не подписался бы под этими заявлениями тт. Погодина и Катаева.

Широко известен в нашей стране и за ее пределами другой кандидат — **Алексей Толстой.**

Один из старейших русских писателей, Алексей Толстой отдал весь свой яркий и многообразный талант социалистической родине. Он в волнующих полотнах воскресил незабываемую героику гражданской войны, он воспел изумительное мужество рабочих и крестьян, сумевших невзирая на голод и холод, на тяжелые лишения, отстоять советскую власть против покушений белогвардейцев и интервентов. Теме этой посвящен и последний роман А. Толстого «Хлеб» («Оборона Царицына»).

Нужно ли говорить о популярности, которой пользуется роман А. Толстого «Петр I»? Правильно охарактеризовал это произведение инженер Ф. Д. Вараксин на собрании рабочих, инженеров, служащих фанерного комбината № 4, где была выдвинута кандидатура писателя.

«В романе «Петр I», — сказал т. Вараксин, — Алексей Толстой написал великую правду о русском народе, который оклеветали троцкистско-бухаринские мерзавцы. А. Н. Толстой исторически правдиво воссоздал один из выдающихся периодов прошлого нашей родины».

А. Толстой занял почетное место в рядах художников, ведущих упорную, последовательную борьбу против фашистского варварства и разоблачающих звериную сущность фашизма. Всем памятна его страстная, глубокая речь на втором Международном конгрессе писателей. В этой речи Толстой дал сокрушительную оценку фашистского средневековья и резко критиковал всех, кто продолжает вести половинчатую политику в борьбе за мир, за культуру, прогресс.

«Мы обращаемся ко всем, кому дорог ребенок, мирно спящий в кроватке, кому дорога седая голова его матери, кому дороги жизнь, свобода, красота. С фашизмом нельзя сговориться!.. Довольно колебаний, довольно нерешительности! Человечество хочет жить, а не задыхаться в погребах, засыпанных щебнем разбомбированных городов».

Это голос советского художника, искреннего друга народных масс, голос борца за социализм, и народ по достоинству оценил писателя, навсегда связавшего с ним свою судьбу, поставившего ему на службу свой талант, свои знания.

Сулейман Стальский!

Это имя стало родным и близким для миллионов трудящихся. Сын народа в подлинном смысле этого слова, познавший в прошлом горечь нужды и скитаний, очевидец страшных унижений Дагестана, задыхавшегося под железной пятой царизма, свидетель и, как все его братья по классу, жертва циничной политики разного рода буржуазных правительств на Кавказе в 1918—1919 годах, Стальский пронес сквозь все страдания неиссякаемую веру в творческие силы масс, в торжество революционной справедливости. Он с огромной силой воспел величие вождей народа, он сложил бессмертные, потрясающие своей искренностью, своим глубоким лиризмом строки о социалистической родине. В дни исторических событий Сулейман Стальский высказывается не декларациями, а поэмами, в которых есть и подлинная поэзия чувства, и свежесть мысли, пламенная любовь к социалистической родине и ее вождям и огромная сила народного искусства.

«Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

Так завещал великий писатель Алексей Максимович Горький. Народ выполняет это завещание бережно и свято: он окружил Сулеймана Стальского любовью и заботой, он распевает его чудесные песни, с любовью выдвигает он его своим кандидатом в Верховный Совет Союза ССР.

Один из наиболее молодых кандидатов — **А. Корнейчук.**

«Гибель эскадры», «Платон Кречет» — пьесы Корнейчука обошли все театры Советского Союза. Этот талантливый драматург, вышедший из недр пролетариата, напряженно работает над собой, держит крепкую связь с массами, неустанно совершенствует свое искусство. Корнейчук обогатит еще советскую драматургию рядом сочных, правдивых образов, отражающих нашу прекрасную действительность.

Наконец, **В. Ставский.** Один из зачинателей советского художественного очерка, человек крепкого партийного закала, член Комиссии Партийного Контроля, руководитель всесоюзной писательской организации — Союза советских писателей, много энергии и времени отдавший делу выращивания молодых литературных кадров, автор книг «Разбег», «Станица» и «На гребне». Рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода «Красный молот» в городе Грозном выдвигают его кандидатом в депутаты Совета Национальностей, как «верного ученика великого русского писателя Максима Горького».

Вся литературная общественность СССР гордится доверием, которое оказывают ей народные массы, намечая такую большую группу писателей в качестве будущих членов высших государственных органов. Нет никакого сомнения в том, что писатели полностью оправдают доверие своих избирателей.

КНИГИ В ЦИФРАХ

В 1936 году издано свыше **90 миллионов** книг художественной литературы. Из них одним только Гослитиздатом выпущено **24,2 миллиона** экземпляров книг.

Кроме того, в СССР было издано 6.823 тысячи книг по вопросам искусства и 9.794 тысячи экземпляров по вопросам книговедения.

Одно из выдающихся произведений советской литературы — **«Тихий Дон»** М. Шолохова — издано с 1928 г. по 1937 год на русском языке в количестве **1.744 тысяч** экземпляров. На языках народов СССР «Тихий Дон» вышел в **140 тысячах** экземпляров.

«Цусима» — А. С. Новикова-Прибой издана за последние пять лет в количестве **1.637 тысяч** экземпляров.

«Как закалялась сталь» — Н. Островского вышла на русском языке в **1.246 тысячах** экземпляров. На языках народов СССР — в **265 тысячах** экземпляров.

Тираж **«Чапаева»** Дм. Фурманова достиг почти **полутора миллиона** экземпляров.

«Петр I» А. Н. Толстого издан тиражом в **925 тысяч** экземпляров.

ГАСЕМ ЛАХУТИ

В мире сталинском ожил я

На заре разбудил меня клич соловьиный.
«Просыпайся, вставай, мой товарищ
старинный!
Выйди в сад и взгляни на цветение роз,
На алмазный венец мой из утренних рос.
Было время, здесь люто зима бушевала,
Ледяными тисками мне сердце сжимала,
Но пришла и в бою победила весна,
В этом светлом саду мне свобода дана.
Спой же песнь, вдохновись этой розою
красной!
Здесь царица она, я — певец ее
страстный.
Пой и ты, гармонической лирой звеня.
Цену песне правдивой кто знает, как я?»
Соловью отвечал я: «О, друг сладко-
гласный:
Знаю, знаю и я о победе прекрасной.
Как не знать мне весны, что украсила
мир,
Что цветы мне взрастила, как Гив
и Делир *
Сам теперь уж не тот я, в ком сердце,
бывало,
Ненавистную рабскую жизнь проклинало.
Вечно юн я и счастлив, хоть времени бег
Мне просыпал на голову старости снег.
Если жизнь я прошел, не споткнувшись
о камни, —
Это партия Ленина руку дала мне.
Не придет уж зима за весной моей вслед,
Светозарного солнца лучом я согрет.
В мире сталинском ожил я, счастье
почуя,
В этом мире, клянусь, умирать не хочу я!

С фарси перевела БАНУ.

* Сыновья поэта.

Максим РЫЛЬСКИЙ

Сталину

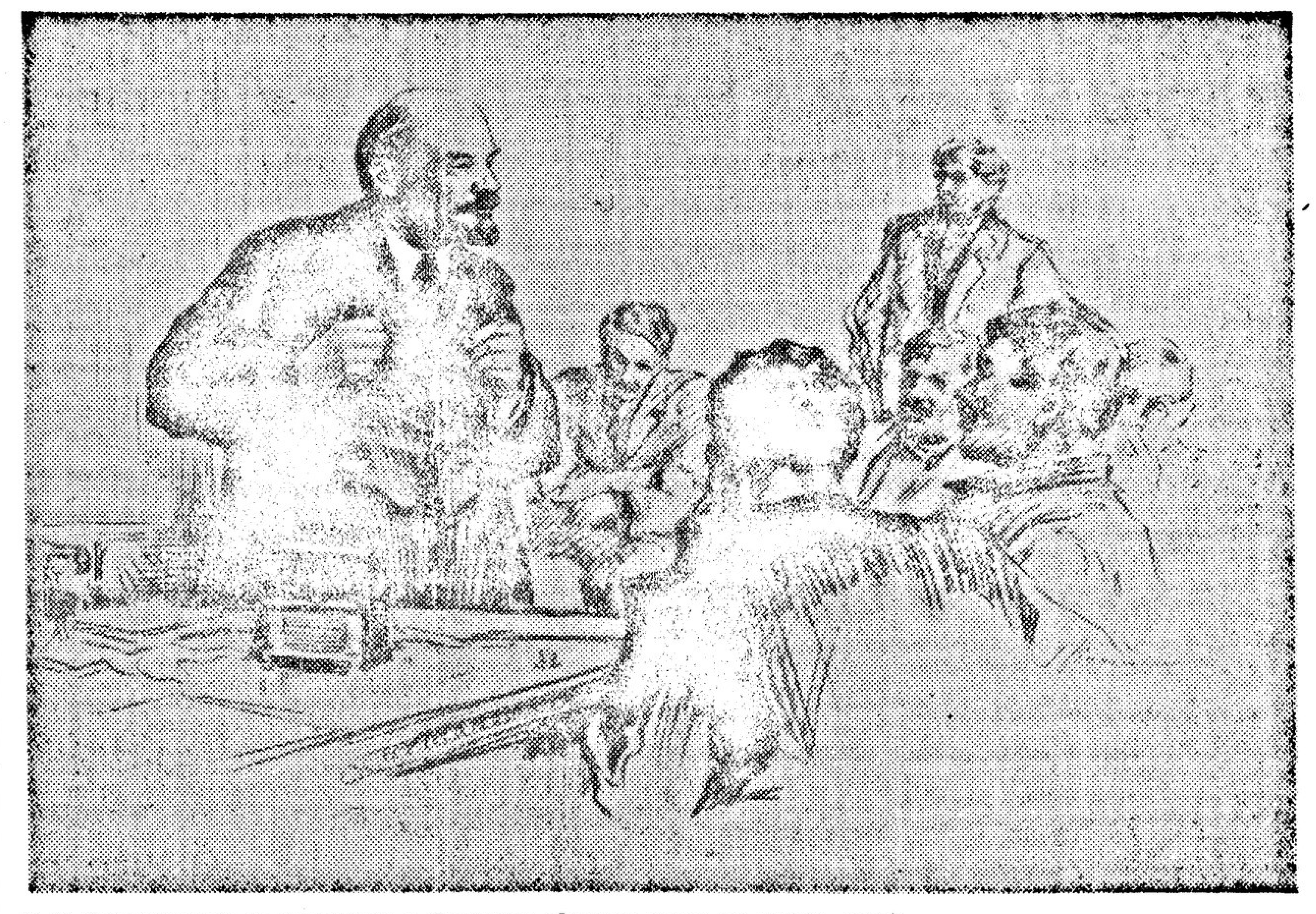
От берегов певучего Днепра,
От ясных городов и от полей счастливых,
От колоса, шумящего на нивах,
От гор угля, идущих «на-гора»,
От молотов, звенящих по металлу,
От юношей, дорвавшихся до книг,
Поклон тебе и слава, мудрый Сталин,
Кто счастья день нам, как чертог воздвиг.
Привет тебе, кого зовут народы
Вождем своим и другом прав людских,
Тебе, кто начертал в веках для них
Пером бессмертным хартию свободы.

С украинского перевел
Михаил ГОЛОДНЫЙ.

Узбекская песня о Конституции

В могучем содружестве Сталинских стран
Звездою сияет Узбекистан.
В полях наших сказочный хлопок цветет,
Нас Сталин и Партия движут вперед.
В лучах и колосьях сияет наш герб, —
В железном содружестве молот и серп.
Под этим гербом сравняли свой шаг
Узбек и счастливый каракалпак.
Насилье и рабство исчезли навек,
И спину свою разогнул человек.
Слова Конституции право дают
На отдых, культуру и творческий труд.
Гудит, как набат, над страной манифест:
«Кто не работает, тот не ест!»
Запели в сердцах миллионов людей
Слова величайшего из вождей.
Словам Конституции верен народ.
В ней каждая строчка о счастьи поет,
В ней каждая буква сверкает, как луч,
Как солнце, творец ее смел и могуч.
Довольство и счастье несет нам закон.
Плывет над страною серебряный звон,
И плещутся песни над зеленью рощ —
Спасибо тебе, наш учитель и вождь!

С узбекского перевел
К. АЛТАЙСКИЙ.



В. И. Ленин беседует с путиловцами в Смольном: «Сколько пушек вы можете дать?».
Рисунок художника П. Васильева. (Из альбома Изогиза «Ленин»).

Павел ПАНЧЕНКО

12 декабря 1937 года

Лишь одно единственное слово —
Сокровенное мое посланье!
Но запечатлеет вновь и снова
Это слово все мое дыханье!
Неизменное в любом наречьи,
В поговорке, в песне ли, в сказаньи, —
Повтори его при всякой встрече —
И постигнешь тайну узнаванья:
Прозвучит — и друг поднимет гору,
В небеса поднимется, как птица,
Прозвучит — и, пригнанная впору,
Маска на враге зашевелится.
Человеческой надежды имя,
Человеческое счастье, воля, —
Прошепчи его в Берлине, в Риме —
И друзья ответят из подполья!
Дед мой, проклиная супостатов,
Горевал о нем, его не зная,
Мой отец, листовки в трюме спрятав,
Пел о нем, у топок изнывая.
С ним он отбирал моря и реки,
С ним он призывал врагов к ответу, —
С песнею о солнце-человеке,
О делах его на всю планету.
Смолкну — и подхватят слово дети:
В нем дыханье моего народа —
Дующий, не утихая, ветер
Октября семнадцатого года!
Это слово — имя!
В нем — бессмертье!
Свой Совет Верховный выбирая,
(Вот оно, заветное, в конверте!)
Назовет его страна родная.

КНИГИ В ЦИФРАХ

В царской России за двадцать лет (с 1897 по 1916 год) произведения Гомера выпущены в 48 тысячах экземпляров. В Советском Союзе за последние пятнадцать лет Гомер издан в количестве **80 тысяч** экземпляров.

Значительными тиражами выпущены произведения Гейне — **583 тысячи**, Гете — **298 тысяч**, Бальзак — **до полутора миллиона**, Эмиль Золя — **свыше полутора миллиона**, Мопассан — **2.456 тысяч**, Ан. Франс — почти **полтора миллиона**, Ромэн Роллан — **1.473 тысячи**, Диккенс — почти **полтора миллиона** и Шекспир — **671 тысяча**.

ДЖАМБУЛ

У Сталина слово равняется делу

Весною, когда просыпалась земля,
Гонцы привезли нам декрет из Кремля —
И мы, с журавлями, плывущими в небе,
Гурьбой потянулись на наши поля.
Мы землю взрыхляли. Кипела в нас кровь.
Лазурной весной поднимали мы новь —
Могучею силою черных тулпаров,
Покорных узде, вороных тракторов.
Работа была весела и бурна,
Земля наша стала мягка и черна,
Мы хлынули щедрым сверкающим ливнем
Янтарного, словно литого, зерна.
Дождем прошумел торжествующий май.
Колосья лелеет колхозный наш край.
В счастливой тиши бирюзового утра
Поет над пшеницею кара-тургай! *.
Коль спросит нас путник из дальней
земли —
Что это сверкает, как солнце, вдали?
Мы скажем, что золота крупные слитки
Растут из обильной колхозной земли.
Стоят кзыл-аскеры на всех рубежах,
Стальные штыки наготове держа.
Пусть зреет пшеница в колхозных
просторах —
Они отстоят от врагов урожай.
Сверкают поля. Небосклон бирюзов.
По ветру колышатся волны хлебов.
Мы живы и счастливы Сталинским
словом,
Мы бьемся за восемь миллиардов пудов.
По рельсам Турксиба от нас в города
С пшеницей и рисом пойдут поезда.
У Сталина слово равняется делу.
Так было.
Так есть.
И так будет всегда!

С казахского перевел
К. АЛТАЙСКИЙ.

*) Кара-тургай — жаворонок.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Песня советских казаков

По кустам, по перелогам,
Через всю ковыль-траву
Мы промчались по дорогам,
Все дороги шли в Москву.
Наши кони не устали,
Выносили удальцов,
Нас встречал товарищ Сталин,
Похвалил нас, молодцов.
И тогда ему, родному,
Дорогому своему
Боевым казацким словом
Мы ответили ему:
— Наши кони вороные
Все помчатся за тобой,
Наши шашки каленые
Хоть сейчас готовы в бой!

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Дальневосточная

У границ дальневосточных
Бродят силы вражьи.
Но стоит товарищ Блюхер
День и ночь на страже.
Пусть пройти в страну Советов
Не мечтают гады:
Наша армия стальная
Им не даст пощады!

(Записано на фабрике «Везувий» в Новобелице БССР).

С белорусского перевел М. Исаковской.

КНИГИ В ЦИФРАХ

В 1936 году на 72 языках народов СССР издано почти **43 миллиона** экземпляров произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Гениальный труд товарища Сталина «Вопросы ленинизма» с 1926 по 1936 год издан тиражом **8,3 миллиона** экземпляров — на **29** языках.

За двадцать лет советской власти классики марксизма изданы в количестве **334,6 миллиона** экземпляров.

Величайший документ нашей эпохи — проект и текст Сталинской Конституции — издан на 62 языках, тиражом свыше **27,4 миллиона** экземпляров.

А. ДЫМШИЦ

Героическая тема народной поэзии

«Жизнь требует героической поэзии».
М. Горький.

В нашей стране двадцать лет назад осуществились многовековые мечты и чаяния народа. Народ сам стал хозяином своей жизни и своей судьбы.

Наш народ, в героической борьбе завоевавший свое освобождение, в поистине богатырском бою отстоявший свою родину от вооруженного натиска империалистических хищников и в кратчайшие исторические сроки построивший социализм, не нуждался для своего устно-поэтического творчества в воображаемых героях. Двадцать лет строительства социализма и дооктябрьские годы революционной борьбы пролетариата дали миру столько изумительных примеров народного героизма, выдвинули стольких небывалых еще по уму, таланту и смелости героев, что творцам советского фольклора — песенникам и сказителям, жирши и ашугам, акынам и бахши и другим народным певцам — создателям нового героического эпоса уже не нужно было уходить мыслью от действительности в область чаемого и воображаемого. Реальная героика нашей действительности и ее реальные герои — вот излюбленные об'екты героической поэзии народов нашей страны.

Как и в старом героическом эпосе, в народном эпосе Советской страны центральное место занимают образы героев. Но эти образы и по своему реальному содержанию и по тем поэтическим чертам, которые придает им народное искусство, резко отличаются от прежних героев народной эпической поэзии. Если раньше сквозь причудливый, фантастический образ героя, творимого народным поэтическим воображением, мы должны были угадывать черты характера и социальный облик самого народа, его создавшего, то образ нового героя дается в советском устном эпосе наделенным с гораздо большей отчетливостью конкретно-реалистическими чертами, дается в непосредственной и живой связи с самой действительностью. Сквозь образ нового героя явственно проступает новый облик народа, героический облик коммунистической партии, новый облик страны.

Если в старом народном эпосе его герои были зачастую обездоленными смельчаками, дерзновенными «безумцами», то новый герой — это человек государственного ума, хозяин страны, беззаветно преданный народу, партии, родине, это — народный герой, вождь.

И именно потому, что советский народный эпос закономерно избрал своими героями реальных людей, которые вели и ведут народные массы в славные бои за народное освобождение и за победу социализма, именно поэтому в героическом эпосе современности первое место принадлежит творцам народного счастья, любимым и мудрым вождям трудового человечества — Ленину и Сталину. Никому советский народ не посвятил стольких песен, легенд, сказаний, никого не воспевает он с таким художническим вдохновением, с такой глубиной чувств, о такой пламенной страстностью, как Ленина и Сталина.

Величайшие народные герои, вожди Ленин и Сталин неотделимы в сознании народа-поэта от страны, от масс, от партии, от революции. Петь о них — это значит петь о родине, славить их — это значит славить величие нашего отечества.

Когда на родину смотрю я,
мой чистый взор наполнен счастьем;
Смотрю, не в силах насмотреться,
величьем жизни потрясен.
И нет предела изобилью,
и мало слов, чтоб вылить радость,
Тогда произношу я — Сталин
и в этом выражаю все!

Так поется в прекрасной, высокопоэтической «Узбекской песне о Сталине».

Единство героя и родины, образ родины, «просвечивающий» сквозь образ героя, характеризуют и богатейший ленинский эпос.

Посмотрите: веселые люди,
Ясли, трактор, колхозный гурт...
Это значит, что он не умер,
Это значит, что жив Ильич.
Ведь колхозная жизнь без горя,
Светлый дом, побежденный бай, —
Это дело его и заветы,
Это ленинские мечты.

Так поют о великом Ленине в колхозе имени Маркса в Онгудайском аймаке, Бурят-Монгольской республики.

Это стремление раскрыть в величавых образах героев революционной эпохи содержание их времени, характер созданной ими страны социализма типично именно для народного творчества и, в частности, для народного эпоса о Ленине и Сталине. Так героическая поэзия советского народа становится поэзией советского патриотизма.

И совершенно не случайно, что лучшие произведения советских поэтов о Ленине и Сталине, отмеченные тем же стремлением воспеть в вожде-герое гений Советской страны, характеризуются несомненной близостью к фольклору — близостью, понимаемой не в смысле подражательности, а в смысле кровного идейного и художественного родства с поэзией народа.

Мы знаем множество народных песен, легенд и сказаний о героях и вождях народных. Мы знаем песни о Кирове, Калинине, Ворошилове, Кагановиче, Орджоникидзе, Чапаеве, Буденном, Щорсе и многих других. И во всех этих песнях образ героя имеет для нас огромное историко-познавательное значение, ибо он реалистичен в самом высшем значении этого слова, ибо он раскрывает перед нами широкие просторы нашей родины, творческую мощь ее народа, великую славу партии, воспитавшей и закалившей для борьбы и подвигов целую плеяду народных героев.

Не следует думать, что эти новые песни лишены черт народно-поэтической традиции. Наоборот, стилевые традиции устно-поэтического творчества выступили в этих произведениях с новым блеском и с новой силой. Система постоянных эпитетов и устойчивых сравнений, столь характерная для фольклора вообще, в полной мере сохраняет свою силу и в советском устном героическом эпосе, приобретая новое качество и новое содержание.

Если взять, например, народные произведения, посвященные Ленину и Сталину, то мы увидим, что поэтическое сознание народов в самых различных концах нашей страны выработало для любимых своих вождей, для мудрейших учителей и руководителей трудящегося человечества единую систему художественных образов. Ясный и светлый, как солнце, чистый и сверкающий, как огонь, смелый и благородный, как орел, — такими рисуются поэтическому сознанию народов величайшие вожди-герои.

Когда орел парит над солнцем,
Он так высоко, что его не видят даже
глаза киргиза.
Ленин летал мыслями выше орла.
И оттого его мысли были близко
к солнцу.
Они были горячи и светлы, как
солнце, —

так поют киргизские народные певцы.

Народная поэзия, исключительно скупая на эпитеты и сравнения, закрепляет те или иные образы за одним определенным героем. И только великому Сталину поэтическое сознание народа присвоило то же прекрасное сравнение с солнцем, что и Ленину. Величественный народный герой-«солнценосец» — таким предстает нам Сталин в эпической поэзии народов.

Поэтическое сознание советского народа шагает вровень с современностью. Достаточно вспомнить возникновение непосредственно после опубликования проекта новой Конституции СССР и в дни Чрезвычайного VIII с'езда советов целого потока народных песен о великой Сталинской Конституции.

Все эти песни тесно примыкают по своему характеру к героическому эпосу современности, ибо в них с большой лирической страстностью запечатлелись социалистическая сознательность и героический патриотизм народных масс, ибо в них с эпической монументальностью отразилась наша радостная действительность, отразился во всем его величии могучий образ народного героя, вождя, учителя, отца и друга трудящегося человечества — великого Сталина.

Другим примером, свидетельствующим о глубочайшей связи народного творчества и народной жизни, может служить недавно опубликованное «Сказание про полюс», записанное от северной сказительницы М. С. Крюковой.

Еще не успели наши профессиональные литераторы откликнуться художественными произведениями на героическую эпопею завоевания полюса, как в поэтическом сознании народа возникло сказание огромной поэтической силы и большой жизненной правдивости, — «Сказание», былинные сравнения которого не только не мешают восприятию реального содержания экспедиции на полюс, а, наоборот, подчеркивают грандиозность ее дел и величие ее героев. В том, что Отто Юльевич Шмидт превратился в этом сказании в «славного ледового героя Поколен-Бороду», а герои-летчики именуются «богатырями», нет ничего, затушевывающего их подлинные образы, ибо существо и цель их доблестного подвига раскрыты с исключительной реалистической точностью, а образы героев совершенно правильно изображены, как образы завоевателей и победителей природы:

Герои живут на льдиночке да дело
делают,
Дело делают, все просматривают да
проглядывают:
Как только ветры буйные зачинаются,
Изо льдов они делают стеночки
защитные,
Штоб не дули ветры буйные на наши
поля прожиточные,
Штоб древа в садах да не шаталися,
Штоб корабли советские во спокое
плавали...
Нонче погодушку для своей для
родины
Делают советские богатыри своею
мудростью,
Своею мудростью, науками
превеликими!

Советский фольклор не только не отстает от жизни, но сам уже давно выдвинулся в число самых передовых явлений в жизни нашей страны.

Для всех поэтов трудового народа, к каким бы они ни принадлежали национальностям, для всех подлинно советских народных поэтов образы гениальных вождей — героев Ленина и Сталина — неисчерпаемые источники вдохновения в борьбе за создание великой поэзии социализма.

СЧАСТЬЕ БЫТЬ ГРАМОТНЫМ

Академик И. И. МЕЩАНИНОВ

«Какое это счастье — быть грамотным!» — воскликнул подросток Алексей Пешков, когда перед ним впервые открылась сокровищница мировой культуры, когда он познал творения гениев человечества.

В условиях царской России только гений и титаническая воля могли вывести Горького из рабочих низов к вершинам знания. Он был одним из немногих счастливцев, кому ценой невероятных усилий удалось из мира тьмы и невежества притти к сияющим вершинам новой социалистической культуры. Вместе с авангардом рабочего класса — партией Ленина—Сталина — он боролся за социализм, за свободу и равноправие народов, за их право на образование и культуру.

Светлая мечта Горького стала явью. Величественные итоги социалистических побед подводит страна Советов в дни двадцатилетия Октября. Сжато и четко победы эти записаны в документе, который вошел в историю человечества под именем бессмертной Сталинской Конституции. И в этом основном законе Союза Советских Социалистических Республик навечно записано неот'емлемое право всех советских народов на счастье быть грамотными: «Граждане СССР имеют право на образование».

И эта статья нашей Конституции, как и весь Основной Закон страны социализма,— радостный итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний, одержанных и закрепленных побед. Многоязычные народы, населяющие Советский Союз, испытывавшие на себе в течение многих веков социальное и национальное угнетение, культура и язык которых систематически преследовались и вытравлялись царскими колонизаторами, сейчас — каждый на своем родном языке— читают великую хартию прав и обязанностей советского гражданина.

Из 175 народов и племен, населяющих территорию Советского Союза, 60 народов получили письменность в послеоктябрьские годы. Это значит, что 60 народов до Великой социалистической революции не имели своих букварей, своих грамматик, своего литературного языка. Это значит, что 60 народов не знали начертания букв, которые могли бы запечатлеть их мысли и чувства. Народ пел песни, складывал легенды и сказания. Ашуги и акыны хранили поэтическую традицию, поколения безвестных певцов проносили ее из рода в род через века. Но народ не мог закрепить свое художественное творчество на бумаге, переживающей время.

Десятки бесписьменных народов были оторваны от мировой культуры. Творения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина не могли быть прочтены массами на родном, понятном и доступном им языке. Многие миллионы рабочих и крестьян, рыбаков и охотников, пастухов, виноградарей и хлопководов не могли познать и насладиться звучанием бессмертных стихов Гомера и Шекспира, Гете и Пушкина.

Замечательный ученый Н. Я. Марр назвал «октябрьский революционный порыв, октябрьское революционное творчество великим гончаром письма и языка». Создание письменности для десятков прежде отсталых народов — не только крупнейшая победа революционной советской лингвистики, но и огромнейшее политическое завоевание трудящихся нашей страны.

Мы знаем, что у некоторых бесписьменных и почти целиком безграмотных народов духовенство, высшая знать, привилегированные слои пользовались в своем культурном обиходе либо арабским, либо монгольским, либо тибетским литературными языками, совершенно недоступными широким массам населения и, как правило, находившимися в резком противоречии с национальным языком, живой народной речью. Поэтому наша языковая политика ставила перед собой задачу создания такого литературного языка каждого из народов СССР, который в полном смысле этого слова был бы национальным, народным языком, отражающим всю полноту народного опыта, культуры и быта. И понятно, почему злейшие враги советских народов — троцкистско-бухаринские выродки, буржуазные националисты, орудовавшие в ряде республик, — пытались сорвать эту работу.

Буржуазные националисты в Карелии, например, ориентировавшие развитие карельской культуры на фашистскую Финляндию, об'являли идею создания карельского литературного языка... реакционной (!!). Они вели борьбу не только против народного языка, но и против слов, ставших дорогими и близкими всем народам Советского Союза. Такие слова, как «революция», «республика», «колхоз», «совхоз» и т. д. буржуазные националисты в Карелии об'являли непонятными даже для русского населения. Показательно, что подобными же клеветническими методами националисты Дагестана и других республик также изгоняли из своих национальных литературных языков все подобные слова и понятия. Так, троцкисты, буржуазные шовинисты пытались вредить на лингвистическом фронте, стремясь выхолостить социалистическое содержание из национальной культуры.

Что характерно для процесса становления десятков новых литературных языков и литератур, которые войдут в историю, как литературы, рожденные Октябрем? Характерно, прежде всего, то, что эти молодые литературные языки являются одновременно и народными языками, что молодая художественная литература всех этих народов является подлинно народной литературой.

Известно, что мировая литература за тысячелетия своего развития прошла через многочисленные этапы. Литературный язык во все времена был языком господствующего класса и отражал его идеологию и социальное бытие. Сейчас мы впервые являемся свидетелями нарождения десятков художественных литератур, развивающихся, минуя феодальный и буржуазный этапы, и непосредственно вырастающих на народной и притом социалистической основе.

Поэт говорит языком народа, выражает его чувства и мысли. Сулейман Стальский и Джамбул, подлинные народные певцы, сегодня являются и крупнейшими представителями советской поэзии. Ашуги и акыны, живущие в аулах и степях, в прекрасных песнях воспевают радость новой жизни.

Точно так же, как за годы социалистического строительства большевики подняли на поверхность земли неисчислимые богатства наших недр, так подняты сейчас вековые пласты народного эпоса и фольклора.

До Октября 1917 года замечательное творчество народов, населявших бывшую царскую империю, презрительно игнорировалось, как игнорировалась и подавлялась вся их национальная культура.

Изумительные богатства народного творчества были высокомерно окрещены царскими чиновниками «дикими песнями диких народов». Такое великолепное произведение, как киргизский героический эпос «Манас», по своим художественным достоинствам стоящий в одном ряду с «Илиадой» и «Калевалой», только сейчас — через восемь веков после своего возникновения — становится достоянием культурного человечества. В этой поэме 400.000 стихотворных строк, и по существующему преданию песенное исполнение всего «Манаса» занимало полгода. Величественное произведение киргизского эпоса сейчас впервые издается не только на родном языке киргизского народа, но и на русском языке.

Народное творчество, обогащенное за это двадцатилетие новыми мотивами, новыми темами, новыми героями,—вот тот неиссякающий родник, из которого черпают национальные поэты и писатели образы, вдохновение, мастерство.

Сейчас многоязычные народы Советского Союза, в том числе и 60 в недавнем прошлом бесписьменных и неграмотных народов, не только слушают песни своих певцов, но и читают на родном языке произведения своих писателей и поэтов, как читают они — на родном языке — и корифеев мировой литературы. Все величие этой социалистической победы на фронте культуры становится еще более ощутимым, когда сопоставляешь жизнь когда-то бесправных и ныне свободных народов СССР с жалкой судьбой многочисленных порабощенных народностей и племен, живущих за рубежами нашей родины, попрежнему неграмотных, попрежнему не имеющих права на культуру, права на образование.

А ведь речь идет не только о народах и племенах Африки и Австралии. Совсем недавно у нас в Ленинградском институте языка и мышления была впервые составлена грамматика языка индейского племени немепу — большого племени, живущего по берегу Великого океана в Северной Колумбии (США) и в Канаде. Для создания письменности немепу потребовалось, чтобы представитель этого народа приехал в Советский Союз и окончил аспирантуру в Академии Наук СССР. Наша Академия издает теперь первую грамматику языка немепу. Но грамматика остается лишь академическим трудом, если народу не обеспечено право на образование.

Народы Советской страны на примере своей счастливой, радостной, культурной жизни ощущают итоги великого октябрьского двадцатилетия, ощущают плоды ленинско-сталинской национальной политики. Приобщенные к культуре, они, читая сегодня Пушкина и Горького, читая своих писателей и поэтов, повторяют слова подростка Алексея Пешкова — «Какое это счастье — быть грамотным!».

Музей А. М. Горького открыт

1 ноября состоялось торжественное открытие музея А. М. Горького.

В залах старинного особняка на улице Воровского, отведенного под музей А. М. Горького, собраны экспонаты и документы, характеризующие жизнь и деятельность великого писателя, соратника величайших вождей трудящихся всего мира — Ленина и Сталина.

За короткий срок музею А. М. Горького удалось собрать свыше 19 тысяч разнообразнейших экспонатов — документов, фотографий, рукописей, книг, портретов и вещей, связанных с именем величайшего писателя. Из этого количества в залах музея выставлено около 3 тысяч экспонатов.

На торжественном открытии музея А. М. Горького присутствовало около четырехсот человек. Среди приглашенных — члены семьи А. М. Горького, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Стецкий, первые издатели произведений великого писателя — К. П. Пятницкий и И. П. Ладыжников, народные артисты СССР Вл. И. Немирович-Данченко, А. В. Нежданова, писатели, ученые, художники, представители прессы и многие другие.

«Поэты — Октябрю»

Вечера советских поэтов в Политехническом музее 29 октября и 2 ноября превратились в праздничную демонстрацию поэтических сил, вызвавшую огромный интерес со стороны читательской публики.

Группа библиотекарей и учителей выступила на вечере с письменным обращением к поэтам о том, чтобы поэтические вечера проводились регулярно.

Внимательно были выслушаны на вечерах доклад тов. Дж. Алтаузена «О поэзии к 20-летию Октября» и вступительное слово тов. А. Суркова на ту же тему.

С новыми своими стихами, посвященными Октябрю, социалистическим завоеваниям, радостям новой жизни выступили Демьян Бедный, Асеев, Алтаузен, Барто, Гусев, Голодный, Сурков, Жаров, Светлов, Михалков, Уткин, Сельвинский, Кирсанов, Исаковский, Лебедев-Кумач и др.

31 октября была проведена перекличка поэтов по радио, посвященная великому Сталину, Сталинской Конституции и предстоящим выборам в Верховный Совет. В перекличке приняли участие поэты Москвы, Ленинграда, Киева и Минска. Перекличке предшествовало вступительное слово тов. В. Ставского.

А. БАРТО

ЗНАМЯ

Кремлевские звезды на солнце горят,
По площади с песней проходит отряд.
Знакомое знамя я вдруг узнаю,
Его я видала в далеком краю.
В садах Барселоны, где пальмы стоят,
Его я видала в руках у ребят,
И с ним пионеры испанской земли,
Бойцов провожая, по городу шли,
И знамя на солнце пылало огнем,
Испанские буквы горели на нем.

Огнями пожара весь город об'ят.
Бойцов провожая, проходит отряд.
Знакомое знамя я вдруг узнаю,
Его я видала в Советском краю.
И в парке зеленом, где клены стоят,
Его я видала у наших ребят.
И с ним — пионеры советской земли
На праздник веселый по площади шли.
И знамя на солнце пылало огнем,
И русские буквы горели на нем.

Салют, пионеры, ребята Москвы!
В Испанию знамя отправили вы.
В ответ из далека прислал вам отряд
Испанское знамя испанских ребят.

К ДРУГУ

Вот мы с тобою — школьники,
Вместе сидим на парте,
Вместе готовим уроки
или идем на каток.
Мы остываем к занятиям
в нежно-весеннем марте,
А в сентябре ожидаем
с радостью каждый урок.
Мы на отрядном сборе
звонко поем «Каховку»,
Словно ручьями вливаемся
в песню ребячьей реки.
Мы на военных занятиях
твердо берем винтовку,
На стадионе бегаем
с ветром вперегонки.
Только два года осталось...
Это совсем немного,
Быстро они промчатся
окончится школьная нить,
Жизнь перед нами откроется
словно большая дорога.
Мы на пути не собьемся,
мы-то научимся жить.
Знаю, ты хочешь сделаться
инженером-изобретателем,
Будешь творить симфонии
для многозвучных станков.
Я же хочу быть поэтом,
но не пассивным мечтателем,
А молодым запевалой
строящихся веков.
И в нарастающем голосе
нашей страны необ'ятной
В песню, на крыльях летящую
через моря и леса,
В песню победы и мощи,
словно в «Каховку» отрядную,
Стройно и звонко вольются
наши с тобой голоса.

ИРА СКОРБИДИНА, 16 лет.
Ученица 9-го класса школы № 477.
(Москва)

Из материалов, присланных литературному сектору Центрального дома художественного воспитания детей на конкурс к двадцатилетию Великой социалистической революции.

КНИГИ В ЦИФРАХ

В 1933 году — в первый год существования Детиздата — было выпущено **10.905 тысяч** экземпляров книг; в 1934 году — **13.933 тысячи** экземпляров, а в 1935 году — уже **20.257 тысяч.**

В 1936 году тираж всех изданий достиг **36.980 тысяч**, а в 1937 г. — почти **76 миллионов** экземпляров книг.

Детиздат выпустил **8.095 тысяч** экземпляров книг А. С. Пушкина. Из них 5.700 тысяч экземпляров издано к столетию со дня смерти любимого русского поэта.

М. ИЛЬИН

ТАМ, ГДЕ НЕТ ПРАВА НА ТРУД

Что такое счастье?

Об этом любили рассуждать в старину философы и поэты. Целые горы книг на тему о том, «что есть счастье», до сих пор загромождают пыльные полки книгохранилищ.

И все же, несмотря на все усилия определить, что есть счастье, это простое слово так и осталось до сих пор без определения, которое можно было бы найти в любом словаре.

Гораздо лучше мы знаем, что не может быть названо счастьем. Мы знаем, например, что человек не может быть счастлив, если у него нет работы и хлеба. Мы знаем, что человек не может быть счастлив, если у него есть работа, но нет возможности отдохнуть.

Но попробуйте найти хоть слово об этом в самых демократических конституциях капиталистического мира.

Найдете ли вы там хоть одно словечко о праве на труд, о праве на отдых, о праве человеческого существа на то, что принято называть «средствами к существованию»?

— У вас есть «стремление к счастью»? Пожалуйста, стремитесь сколько душе угодно. Это разрешено конституцией. Но право на работу, право на хлеб, право на отдых? Об этом не говорится ни в одном параграфе.

— У вас нет хлеба? Сами виноваты. Работали бы.

— У вас нет работы? Сами виноваты. Не сумели найти.

— А, впрочем, проходите, проходите. И не кричите слишком громко о том, что вы хотите есть, иначе мы пустим в ход резиновые дубинки.

Мне вспоминается гордая английская поговорка: «Мой дом—моя крепость». Говоря так, англичане имеют в виду законы своей страны, которые охраняют неприкосновенность жилища.

Но представьте себе гражданина, у которого совсем нет дома, который из-за безработицы лишился крова и вынужден ночевать под открытым небом.

Как рассказывают Сидней и Беатриса Вебб, по английским законам «лица, желающие спать под открытым небом, подлежат наказанию, если они не могут представить видимых средств к существованию».

Вообразите себе безработного, спящего на скамейке, и полисмена, который его расталкивает.

— Сэр, вы желаете спать под открытым небом?

— Нет, я совсем этого не желаю, но мне негде больше спать.

— Потрудитесь представить видимые средства к существованию.

— К сожалению, у меня их нет.

— В таком случае следуйте за мной.

И свободный британский гражданин покорно встает и следует за представителем власти.

Через полчаса он тоже сможет сказать, как и прочие британские граждане: «Мой дом—моя крепость». Да еще какая «крепость»—с решетками на окнах. Вот и выходит, что без права на труд другие права британских граждан недорого стоят. Ведь только право на труд может дать человеку и свой угол, и то, что называется «средствами к существованию».

Мне показали около Парижа—великолепного, блестящего Парижа—второй Париж, неизвестный туристам,—без водопровода, без мостовых, без электрических фонарей, грязное скопление человеческих гнезд, слепленных из всякого мусора. Сюда словно метлой выметены, выброшены никому не нужные люди—безработные: французы, итальянцы, поляки.

В поисках работы люди перекочевывают из города в город, из страны в страну.

Люди бегут от своей родины в чужие края, надеясь, что может быть, где-то за океаном найдется и для них работа, найдется и для них хлеб.

Даже из такой страны, как Швеция, которую часто изображают настоящим раем, за последние семьдесят лет убежало миллион шестьсот тысяч человек, то есть больше четверти всего народа.

В Америку за последние сорок лет переселилось из других стран 40 миллионов человек. Это равно населению Англии.

Один за другим отплывали из Европы громадные корабли с трюмами, наполненными, вместо балласта из камней и песка—балластом из человеческих тел.

И это продолжалось до тех пор, пока и в Америке не стало так плохо, что американцы закрыли свои порты для беженцев. Беженцев не пускают больше—не потому, что каждый беженец—лишний рот, а потому, что каждый беженец—лишняя пара рабочих рук. В Америке и для своих лишних рук не хватает работы.

Лишние руки, лишние рты, лишние жизни...

Каждый день на земном шаре кончают с собой три тысячи человек.

В Германии в 1936 году покончило с собой шесть тысяч человек—и это только в самых больших городах. В Польше в одном лишь городе Варшаве ежегодно кончает с собой 500 безработных.

Число самоубийств во всем мире сейчас, при господстве капитализма, в двадцать раз больше, чем в конце XVIII века, когда только строились первые фабрики.

Какой же итог можно подвести под всеми этими цифрами? Какой сделать вывод?

Вывод тот, что там, где нет у людей права на труд, там у них нет и права на самую жизнь.

Отрывок из второй главы книги «Сегодня и вчера».

Лев КВИТКО

БАБУШКА И ВНУЧКА

Бабушка внучке пишет:
— «Жива!
Только ночами не сплю...»
...Криво поставленные слова
Прямо кричат:
— Люблю!
«Белки лезут в наше жилье, —
Внучку, мол, покажи.
Дитятко милое, сердце мое,
Когда приедешь, скажи?»
Внучка бабушке пишет:
— «Жива!
Ты обо мне не грусти...»
...Твердо поставленные слова
Мягко просят:
— Прости!
«Скучаю, старенькая моя!
Давно не была в лесу.
Но скоро ведь летчицей стану я —
Экзамены на носу!
Машину свою к голубым облакам
Уверенно поведу.
Фашисты мечтают прибрать нас к рукам,
На нас накликать беду.
И мы, не жалея ни ночи, ни дня,
Готовим отпор врагу.
Поэтому ты не сердись на меня, —
Приехать никак не могу!»

Перевела с еврейского
ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Сергей МИХАЛКОВ

ВЕСЕЛЫЙ ВСАДНИК

Я приехал на Кавказ,
Сел на лошадь в первый раз.
Люди вышли на крылечко,
Люди смотрят из окна —
Я схватился за уздечку,
Ноги сунул в стремена.
— Отойдите от коня
И не бойтесь за меня!
Мне навстречу гонят стадо,
Овцы блеют, бык мычит.
— «Уступать дорогу надо!» —
Пастушонок мне кричит.
Уши врозь, дугою ноги,
Лошадь встала на дороге.
Я тяну ее направо —
Лошадь пятится в канаву.
Я галопом не хочу,
Но приходится — скачу!
Доскакали до ворот,
Встали задом наперед
«Он же ездить не умеет!»
Удивляется народ.
— Сбросит лошадь седока,
Хвастуна и чудака!
По дороге, в туче пыли,
Мне навстречу две арбы.
Шея в пене,
Морда в мыле, —
Лошадь встала на дыбы.
Мне с арбы кричат: «Чудак!
Ты слетишь в канаву так!»
Я в канаву не хочу,
Но приходится — лечу!
Не схватился я за гриву,
А схватился за крапиву.
Отойдите от меня.
Я не сяду больше на эту лошадь!

КНИГИ В ЦИФРАХ

Произведения Л. Толстого для детей изданы в **2.150 тысячах экз.**

Книжки А. М. Горького выпущены Детиздатом в количестве **2.255 тысяч** экземпляров.

Из советских детских писателей произведения С. Маршака изданы в **3.150 тысячах** экземпляров. Тиражи книг К. Чуковского — **3.125 тысяч и** 1 миллион в серии «Книжка-малышка», А. Барто — **3.245 тысяч и 2** миллиона в серии «Книжка-малышка».

Издания книг Гайдара, Паустовского, Кассиля достигают полуторамиллионных тиражей.

Дружеский шарж **Г. Клуциса.**

ВОТ ОНИ — ДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ:

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ — храбрый путешественник, мореход, рыболов и астроном. Открыл «Кара-Бугаз» и «Колхиду». Едва не захлебнулся в «Черном море». В «Летние дни» ловит рыбу, по ночам направляет свой телескоп на «Созвездие гончих псов».

ГАЙДАР — военный человек. Прошел отличную «Школу», побывал в «Дальних странах». Он знает не только «Военную тайну», но и секрет, как писать книжки для советских ребят.

М. ИЛЬИН успешно работает по «Великому плану». Помнит, что было «Вчера», отлично знает, что делается «Сегодня». Ему известны «Горы и люди», «Гербы и народы»...

ЛЕВ КАССИЛЬ — тоже любитель гербов. Один, гимназический, у него на голове, другой — «Швамбранский» — в руках, как щит. Он бодро шагает в футбольных «Турецких бутсах» к «Вратарю республики».

С. Я. МАРШАК — любитель «Пуделей» и «Пожаров». Поэтому закален в огне. Командовал знаменитым «Отрядом». И, не будучи обременен, подобно «Мистеру Твистеру», лишним «Багажом», все молодеет... Сейчас он — «Двадцатилетний»!..

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ — известен всем как неувядаемый «Читайдодыр». Ему досталась многолетняя «тяжелая работа — из болота тащить бегемота» прежней детской литературы. Некоторые боялись, как бы он сам не завяз... Но он смело выбрался на иную — «Солнечную» — тематику.

НАТАЛИЯ ЗАБИЛА — самая любимая «Ясочка» украинских ребят. В вольном переводе на русский язык это должно значить — хорошая писательница.

А. БАРТО — неутомимая общественница, писательница, теннисистка. Побывала под Мадридом и в Париже. Теперь снова на своем посту — «На заставе». Имеет великое множество маленьких «Братишек» во всех углах советской страны и за рубежом. Не зарится на звездных гончих псов: у нее свои «Звездочки в лесу», свой верный пограничный сторожевой пес «Пират».

Л. КВИТКО.—Это он, это он, знаменитый почтальон! Он держит свое «Письмо Ворошилову». А в сумке у него десятки других веселых посылок для ребят.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — самый усатый, но самый юный. Недавно еще писали сказки для него. Теперь он сам пишет. Его любят все дети и многие папы. Он родной сын разных «Мам», племянник «Дяди Степы» и друг «Двух приятелей», которые вместе с ним очень весело живут...

А писателей из общей «взрослой» литературы до сих пор почти не видно в рядах, пишущих для ребят. Хотя дверь в детскую литературу давно уже открыта «Золотым ключиком» **АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО**. Но А. Толстой сейчас так занят другими делами, что художник даже не решился нарисовать его тут...

И белеет лишь «Парус одинокий» **ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА**. Вот он имеет теперь право сказать советским ребятам: «Я — сын трудового народа» и ваш верный друг!

Лев КАССИЛЬ

ОДНА БЕСЕДА

Журналист Петр Андреевич Болотов, раз'ездной специальный корреспондент большой московской газеты, возвращался из далекой командировки домой. Он долгое время пробыл в глуши, вдали от больших центров и даже газеты раздобывал урывками. Теперь он предвкушал удовольствие от встречи со столицей: настоящий кофе, горячая ванна, свежая газета, любопытные друзья, перед которыми можно будет похвастаться своими странствиями. Но в дороге Болотов получил встречную телеграмму из своей редакции: «Сделайте остановку станции Мураши колхоз Красный луч организуйте срочно материал Никите Величко спасшем пожара колхозный хлеб больных и детей точка возьмите беседу»...

Болотов привык к таким пассажам во время своей многолетней раз'ездной жизни. Задрогший и отсыревший до костей, добрался он до колхоза «Красный луч». Тут ему сразу указали избу Никиты Величко. Видно, все знали в округе Никиту. Но Болотов не застал хозяина дома. Никита Величко ушел на собрание в колхоз. Корреспонденту предложили подождать часок, другой. Он отогрелся, отошел и, будучи человеком неприхотливым и привыкшим ко всяким превратностям, заснул тотчас, лишь прилег на жесткую скамью.

Проснулся он поздно. В избе горело электричество. Мальчик лет десяти-одиннадцати сидел за столом. Очевидно, сынишка Никиты Величко. Гололобый, большеглазый, с нежным, как у девочки, лицом.

— Ну, что смотришь? — спросил Болотов, потягиваясь. — Кажется, вздремнул я... А?

Мальчик молчал, застенчиво улыбаясь.

Болотов был холостяком и немножко стеснялся детей. Он никогда не знал, как надо разговаривать с ребятами. Он считал, что с детьми надо обязательно шутить, непрестанно острить и задавать им глупые вопросы.

На столе лежали тетрадки и задачник. Было совершенно ясно, чем занят мальчик. Но Болотов все же спросил: — Ты чего это тут делаешь?

— Уроки учу, — отвечал мальчик, не проявляя особенной любезности.

— Уроки?.. Ну то-то, — сказал Болотов, решительно не зная, о чем ему говорить дальше.

Но мальчик сам внимательно посмотрел на корреспондента и вдруг деловито, и уже не смущаясь нисколечко, спросил:

— Вы командировочный? Да? А документ личности есть?

Болотов пытался отшутиться. «Ишь ты какой строгий!» — усмехнулся он и похлопал мальчика по плечу. Но тот сурово отвел плечо в сторону и настойчиво повторил свой вопрос. Покряхтывая от смущения, Болотов пред'явил свое удостоверение.

— Не годится. Уже не действует, — сказал мальчик, возвращая документ. — Удостоверение есть, а личности нет.

— Ну-ну, — ворчал изумленный Болотов. — Шесть тысяч километров об'ехал, всюду было действительно, а тут, скажи пожалуйста...

Пришлось пред'явить удостоверение с «личностью», с фотокарточкой.

Внимательно, шевеля губами, мальчик читал документ корреспондента. Потом он стал вдруг сразу общительным и любопытным.

— Вы ведь из редакции? Печатаете, значит?.. Пишете? А печатать не можете? К нам многие ездиют — из редакции все, писать все могут, а печатать никак. А вы из своей головы пишете или с виду?

— Я больше с виду, с натуры, — об'яснил Болотов, — я вот про твоего отца писать собираюсь. Никита Величко, это отец твой?

— Ага. Про него уже сколько в газете печатали. У него орден даже, значок Почета.

— Ого-го, — обрадовался корреспондент, — материал, я вижу, начинает ложиться.

Мальчик оказался очень разговорчивым и любознательным. Он без устали расспрашивал Болотова о всякой всячине. Он угостил корреспондента горячим чаем. Он рассказал, как ездил со своим отцом-орденоносцем на областной слет колхозников в город, как их там снимали один раз на собрании, а потом — в цирке, рядом со слоном («вот тут папаня с орденом, тут слон, а тут я сам. Слон здоровый. Который снимал, так эх и боялся, вдруг цапнет...»). Время шло. Болотов уже разопрел от выпитого чая, а Никиты Величко все не было. Болотов начинал уже тревожиться, что опоздает на поезд. Мальчик продолжал теребить его всяческими расспросами. Он был очень взволнован, узнав, что Болотов «может писать и книги».

— Дядя, а вы не классик? — спрашивал мальчик.

— Нет, — отвечал Болотов.

— Зря, — сокрушенно вздыхал мальчик, — вот бы я потом ребятам в классе хвастал: к нам классик приезжал, чай пил... И сколько вот к нам ездиют, а классика еще ни одного не было... Дядя, а вы ведь в Москве живете? Я сам себе часто в Москве снюсь. Как будто это иду и как будто это навстречу целое войско верхом едет, а впереди Ворошилов, Буденный. Я уже всю Москву во сне перевидал. А только вас никогда сроду в Москве не видел еще... Дядя, а правда там на Кремле такие звезды горят? По 90 пудов каждая весит. Как это их туда тащили! 90 пудов. Это выходит на 10 пудов тяжельше слона... Чаю еще налить вам? Вы пейте. Ничего. Папаня скоро придет. Пейте... А вы умеете отгадывать? Вот отгадайте, в каком ухе у меня шебуршится, — спрашивал он, наклоняя голову к левому плечу.

Болотов угадал.

— Ну, вы очень сразу. Надо думать сначала. Так не игра. А вот сейчас не отгадаете: вот скажите, если вдруг электричество испортилось и лампы нет, как можно сделать освещение в избе? Ага, не знаете. А вот я изобрел сам. Кошек надо насажать. У них глаза в темноте светятся, как светлячки. Вот собрать кошек сто или двести. Так от них в избе сразу светло будет. Это я сам изобрел... Чаю налить еще?

— Да у меня, друг, твой чай вот уж где, — взмолился Болотов.

— А вы пояс растужите. Еще стакана три войдет. Я налью?

— Мне много чаю пить доктор запретил.

— Это он наверное сырой не велел. А у нас чай сроду кипяченый.

— Ну, пойми, друг, не чай пить я к вам за тысячу километров ехал. Мне надо написать о твоем отце Никите Величко. Понимаешь? В газету. Газета ждет, это — важное дело. А мы тут с тобой чай распиваем. Вот ты бы пока рассказал мне, как это у вас тут получилось.

— А чего получилось?

— Ну, пожар-то был, знаешь?

— Это у Шубиных-то?

— Ну я не знаю, где у вас там горело.

— А-а, — сказал мальчик. — Это у Шубиных горело. Рассказать?

— Расскажи.

— Ну, значит так... А чего рассказывать?

— Ну, расскажи, — терпеливо раз'яснил Болотов, — расскажи, как твой отец геройски спас из огня...

— А папаня тогда вовсе в городе был. Он к валяльщику за чесанками ездил.

— Ну к какому еще валяльщику? У меня в телеграмме ясно сказано: Никита Величко, спасший пожара... Может быть у вас еще пожар был?

— Нет, пожар-то у нас один был, — усмехнулся мальчик. — А вот Никит у нас целых два. Первый номер, значит, папаня мой. А другой номер, который пожегся было, — это и есть я самый — рассамый Никита Величко. Мы с папаней тезки.

Болотов тихо ахнул и откинулся на скамье к стене.

— Так это ты?.. Фу-ты, история. Это, следовательно, писать-то мне про тебя надо?

— А чего про меня писать?

— Как чего! Ах ты, герой, шут тебя возьми. Ну быстренько, по порядку выкладывай.

— Ну, еще герой, — сконфузился Никита, — это так вышло. Невзначай. У нас все колхозники на работу ушли. Картошку копать. А у Шубиных — дедушка Мосеич, больной, безногий и ребят двое. Совсем малята — Ленка и Макарка. А у Шубиных как раз по-за-домом амбар. А я это бежу в школу — порешенные задачки дома позабыл, ворочаться пришлось... Бежу, тороплюсь это... Вдруг, гляжу, чего это у Шубиных по двору туман ходит. Вроде, из-под крыши натягивает. Я стал, гляжу. А оттуда как вдруг полыхнет! Прямо на меня жаром да огнем. Сразу занялось... А в избе, слышу, криком кричат. И нет никого народу в селе. Пока сбегаешь, дозовешься— сгорят живьем. Ну, я порешенные задачки положил подальше, чтоб не спалились. А то жалко, ведь даром я их решал, что ли... Пинжаком голову обмотал, да и нырнул в самый жар. А в избе дыму полно. Уже подлавка горит. А Ленка с Макаркой на карачках ползают, ревут, хрипят уж, и за дедушку безногого цепляются. А дедушка Шубин свалился у сеней и не может дальше... Я их, малят, еле отодрал от дедушки. Макарке даже это... наподдал. Ну, не идет раз... Вы про это не пишите. Не надо. А то еще скажут... Ну, значит, выволок я их на волю. А на воле хорошо. Главное, дышать свободно. И до того, дядя, дышать охота!.. А ведь надо еще за дедушкой... Сгорит ведь. А второй раз еще боязнее итти. Закрылся я пинжаком весь и опять туда. Дымище там. Трещит все. А дедушка Шубин, как увидел меня опять, руками замахал: «Куда ты, хрипит, малый, спасайся вон отсюда скорее. Сдалось тебе чужого деда из огня вызволять. Сгоришь. Брось меня. Или, Никитка, или, пионер»... Я уж и правда, было, бежать, да как он сказал «пионер», так — стоп на месте! От совести еще жарче, чем от огня, стало. Правда, дядя... Я дедушке Шубину говорю: «Какой ты, говорю, чужой, раз мы тут все друг-дружкины». И стал его тащить. Он ходить сам неспособный. У него одна нога, и та задом наперед ходит. А у меня уже дух кончается. Дым потому что — не продыхнуть. Искры зыркают... Боязно. А я все-таки, говорю: «Ничего, дедушка, давай как-нибудь шагать на трех ногах». Ну и это... Вытащил все-таки. Упал немножко на воле. Но пока из меня дым вышел — не дождался, а сразу — бегом за народом! У нас в кузне работали. А пинжак прожег весь наскрозь. Ну и все. И писать неинтересно.

За свою многолетнюю газетную работу Петр Андреевич Болотов встречался с самыми различными людьми. Он брал интервью и беседы у наркомов, профессоров, знатных стахановцев, героев воздуха, земли и моря. Но никогда у него не бывало такого удивительного и неожиданного интервью. Забыв свою профессиональную выдержку, он вскочил и схватил Никиту за плечи.

— Ах ты, Никитка, — пробормотал он,— ах ты, мальчуган ты славный, ах ты... это самое... Ну чего ты на меня уставился!

Потом он успокоился, посадил перед собой Никиту и стал брать у него беседу-интервью по всем правилам. Ему хотелось отыскать в этом маленьком, скромном, большеглазом мальчонке какие-то необыкновенные черты. Как он стал героем? Как он решился на свой опасный подвиг? Что заставило его так действовать? Корреспондент закидал Никиту десятками разнообразнейших вопросов. Что читает Никита? Чем увлекается? О чем мечтает? Как учится? Никита отвечал просто и толково, но ничего удивительного, ничего сверхестественного не мог обнаружить журналист. Сколько раз уже он видел в наших городах, на станциях, в селах вот таких мальчиков, которые отвечали, что учатся «ничего, и отлично есть, и по поведению тоже довольно-таки ничего». «Вот недавно у отца книгу читал, — говорил Никита, — это про этого... как его? Ну вот, забыл Архи... Архимеда. Как он в ванне мылся и даже весу потерял 20 кило... Так и выскочил даже из бани. Вот до чего докупался...». Но о пожаре из него нельзя было вытянуть больше ни слова. Он отнекивался, отмалчивался.

— Ведь ты же сам мог сгореть! — восклицал журналист.

— Ну так что-ж, — удивлялся Никита.— А дедушка Шубин тоже мог свободно сгореть. А хлеб-то рядом в амбаре— шутите! Ведь всего колхоза хлеб. Странное дело. Чай я все-таки уж не первый год в школе. Да у нас во втором классе «Б» каждый мальчишка бы так на моем месте. Девчонки бы даже и те. Мы все друг-дружкины... Пинжак только жалко. Новый был, ненадеванный. Из братнина сшит. Ну, мне от колхоза новым зато премировали. Еще лучше.

Больше он ничего не мог рассказать, как ни бился Болотов.

— Это удивительное дело, — сердился корреспондент. — Всю жизнь вот так. Подвиги совершать умеют, а рассказать толком никто не может. Да если б я на твоем месте, я бы уж так расписал. Ведь материал-то какой, играет как!

Упрятав в портфель свои блок-ноты и записи, корреспондент стал собираться в путь.

— А товарищ Сталин будет читать про меня в газете? — спросил вдруг Никита.

— Ну, конечно, все будут.

— Про меня!?! А вдруг товарищу Сталину такой номер попадет, где это не будет. Лучше уж пускай нигде не будет, только там напечатайте, который по почте товарищу Сталину пошлете.

Болотов торопливо распрощался с мальчиком. Вдруг Никита остановил его:—А что это у вас за значочек?

— А, ерунда это. Это я немножко альпинизмом увлекался, на Эльбрус ходил.

— На самую верхушку? Вот так да!

— А ты что думаешь, — взбодрился корреспондент. — Я, брат, раньше-то... Это вот сейчас сердце стало пошаливать, гражданская война сказывается. Я, брат, под Волочаевкой был.

— Ой, вы на фронте участвовали, — так и загорелся Никита, — ой, дядя, расскажите про войну.

— А что тут рассказывать? Тут рассказывать нечего, да и некогда рассказывать. Окружили нас около сопки, нас было человек пятнадцать, а их добрых полсотни. Ну, так, пулеметами, гранатами вручную отбились. А меня вот сюда шарахнуло. Ну, в общем, тут нечего рассказывать.

— Вот удивительное дело, — вздохнул мальчик. — Все вот так: воевать умели, да еще как здорово, а попросишь рассказать, не могут толком, все некогда, да некогда. Эх, если бы я на вашем месте, так я бы уж нарассказал...

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—29626. Типография газ. «Индустрия». Москва, Цветной бульвар, 30.